СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIII, № 5.

МАТЕРІАЛЫ

И

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПО

СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Л. МАЙКОВА.

II. СКАЗАНІЯ ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ ПО РУКОПИСЯМЪ XVIII ВѢКА. — III. ПОВѢСТЬ О МИХАИЛѢ ПОТОКѢ ПО РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

16

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1891 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ.*

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

II.

СКАЗАНІЯ ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ ПО РУКОПИСЯМЪ XVIII ВѢКА.

Въ числѣ произведеній русскаго народнаго эпоса, записи которыхъ сохранились изъ XVIII столѣтія, есть нѣсколько сказаній собственно о подвигахъ Ильи Муромца. До сихъ поръ извѣстны слѣдующіе рукописные тексты ихъ:

1) «Повѣсть о Ілье Муромце и о Соловье Разбойнике» — въ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева, писанномъ въ первой четверти XVIII вѣка; текстъ этотъ напечатанъ буква въ букву Н. С. Тихонравовымъ въ брошюрѣ: Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка. М. 1891 (отдѣльный оттискъ изъ VIII-й книги «Этнографическаго Обозрѣнія»), стр. 29 — 31.

2) «Сказание о Ілие Муромце и о Соловие Разбойнике» — въ сборникѣ Н. С. Тихонравова, № 222, писанномъ во второй четверти XVIII вѣка; текстъ этотъ воспроизведенъ буквально въ той же брошюрѣ, стр. 32 и 33.

По свидѣтельству издателя, оба вышеуказанные текста носятъ на себѣ слѣды копированія съ болѣе старыхъ подлинниковъ, относившихся, по всей вѣроятности, къ XVII столѣтію. Въ брошюрѣ г. Тихонравова описанъ и составъ тѣхъ сборниковъ, изъ которыхъ извлечены напечатанные имъ тексты.

3) «Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатыре о Илье Муромцѣ і о Соловье Разбойнике» — въ сборникѣ Императорской

Публичной Библіотеки (Q. XVII. 194), поступившемъ въ нее въ 1890 году и писанномъ во второй половинѣ XVIII вѣка; текстъ этотъ издается нами буквально въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

Составъ этой рукописи, писанной въ 4-ку на 12-ти листахъ, слѣдующій: 1) Лл. 1 — 3 об. Повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ. 2) Лл. 4—7. Выписки изъ путешествія Трифона Коробейникова въ Святую Землю: о Святомъ Градѣ, о темницѣ Іоанна Предтечи, о преніи патріарха съ жидовиномъ, о трехъ церквахъ. 3) Лл. 7 — 10 об. Слово о видѣніи царя Мамера (во второй, позднѣйшей редакціи). 4) Л. 10 об. 14-я притча Езопа. 5) Лл. 11—12. Повѣсть о царѣ Михаилѣ. На оборотѣ послѣдняго 12-го листа нѣсколько разъ выставленъ 1783 годъ и помѣщена слѣдующая запись: «Сия книга Кра̂нахолмскаго уезда Устюжского заказу села дымцова діаконъ Ісидоръ Семеновъ 1783 годꙋ генваря дня 22 запис... в жулнехъ спавить» (?), и далѣе: «пера ѿведать каковы чернила 1783». Такъ какъ эти слова и даты приписаны не тѣмъ почеркомъ, какимъ писана самая тетрадка, то составленіе сей послѣдней должно пріурочить ранѣе 1783 года. Хотя всѣ статьи сборника писаны одною рукой, однако значительно различаются между собою по правописанію: въ двухъ послѣднихъ статьяхъ вовсе не употреблены титла, во второй и третьей они употребляются, и притомъ правильно, — въ первой же статьѣ господствуетъ безграмотность: во многихъ словахъ совсѣмъ пропущены буквы, которыя слѣдовало взять на верхъ, а означеніе титлъ и соотвѣтствующихъ имъ сокращеній неправильно, какъ напримѣръ: г̂да̄ или гда̂рь (государь), взгово̂ (взговоритъ) и т. п. Это доказываетъ, что составитель сборника вписывалъ въ него подобранныя имъ статьи буквально съ тѣхъ оригиналовъ, какіе были у него подъ руками, а слѣдовательно, и для «Повѣсти» объ Ильѣ имѣлъ подлинникъ болѣе старый; подлинникъ этотъ несомнѣнно былъ съ титлами и вынесенными на верхъ буквами — быть можетъ, XVII вѣка, но писецъ плохо разбиралъ его, а потому копировалъ

иногда безсмысленно, какъ напримѣръ: *подылься* вмѣсто: под Ыльею, *скимъ* вмѣсто: с Киева, *вокоше чнаку* вмѣсто: в окончину. Въ текстѣ «Повѣсти», который, какъ и всѣ прочія статьи Библіотечнаго сборника, писанъ блѣдными чернилами, какой-то позднѣйшій, но тоже старинный читатель сдѣлалъ нѣсколько подправокъ чернилами болѣе темными.

4) «Гистория о Илье Муромце и о Соловье Разбойнике» — въ рукописи И. Е. Забѣлина № 71, писанной во второй половинѣ XVIII вѣка и составляющей особую не переплетенную тетрадку въ 6-ть листовъ; этотъ текстъ изданъ довольно исправно, но съ подновленіемъ правописанія, въ «Русскихъ народныхъ сказкахъ» А. Н. Аѳанасьева, кн. III (М. 1873), стр. 125—128; для удобства справокъ мы сочли полезнымъ воспроизвести и этотъ текстъ буквально по рукописи въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

5) «Повѣсть о славномъ могучемъ богатыре о Илье Муромце и о Соловье Разбойнике» — въ сборникѣ Московскаго Публичнаго музея изъ коллекціи Ундольскаго № 663, писанномъ нѣсколькими почерками XVIII вѣка; но это лишь небольшой отрывокъ даннаго памятника, занимающій въ рукописи всего одну страницу (оборотъ л. 64-го) и содержащій въ себѣ только первыя и послѣднія строки «Повѣсти»; онѣ изданы въ вышеупомянутой брошюрѣ г. Тихонравова, стр. 8 и 9, гдѣ обозначенъ отчасти и составъ сборника.

6) Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолищѣ (безъ заглавія и начала) — въ рукописи, принадлежащей И. Е. Забѣлину, № 82, и писанной въ серединѣ XVIII вѣка. Это небольшая тетрадка въ 4-ку безъ переплета, состоящая изъ 22-хъ листовъ, счетъ которыхъ начинается нынѣ съ 9-го; слѣдовательно, утрачены первые 8 листовъ рукописи. Текстъ этотъ доселѣ не былъ напечатанъ и издается нами въ приложеніи[1]).

---

1) Краткія свѣдѣнія о содержаніи этого текста сообщены въ трудѣ Д. А. Ровинскаго: Русскія народныя картинки, т. IV, стр. 4.—Считаемъ дол-

7) «Исторія о славномъ и о храбромъ богатыре Илье Муромцѣ и о Соловье Разбойникѣ»—въ рукописи Е. В. Барсова[1]), писанной разными почерками XVIII вѣка. Свѣдѣнія наши о ней ограничиваются тѣмъ, что̀ сообщено въ печати самимъ владѣльцемъ и профессоромъ А. И. Кирпичниковымъ. Г. Барсовъ указываетъ въ ней слѣды «малороссійскаго говора и письма»; по словамъ г. Кирпичникова, «въ началѣ идетъ былина о первой поѣздкѣ Ильи, въ концѣ—объ Идолищѣ»; самъ же владѣлецъ свидѣтельствуетъ, что «здѣсь Илья Муромецъ имѣетъ дѣло лишь только съ Кіевскимъ княземъ», и что во всемъ произведеніи «имени Владиміра нѣтъ и помину».

И составъ помянутыхъ сборниковъ, и малограмотность текстовъ, и наконецъ, внѣшній видъ тетрадокъ показываютъ, что это—рукописи, вышедшія изъ-подъ пера очень мало образованныхъ писцовъ и предназначенныя для читателей очень невзыскательныхъ въ литературномъ отношеніи. Такія рукописи изготовлялись на продажу, и еще съ XVII вѣка торговля ими, какъ и лубочными картинками, производилась въ Москвѣ, преимущественно на Спасскомъ мосту. Въ литературѣ XVIII столѣтія встрѣчается нѣсколько упоминаній о продававшихся тамъ рукописяхъ повѣствовательнаго содержанія; такъ, въ примѣчаніяхъ къ одному изъ стихотвореній Кантемира (1743 года) говорится о «двухъ весьма презрительныхъ рукописныхъ повѣстяхъ о Бовѣ королевичѣ и Ершѣ рыбѣ, которыя на Спасскомъ мосту съ другими столь же плохими сочиненіями обыкновенно продаются»; а сатирическій журналъ Чулкова «И то и сіо» (1769 года) свидѣтельствуетъ, что тамъ можно было видѣть въ продажѣ рукописныя повѣсти даже съ раскрашенными картинками, и что пере-

---

гомъ выразить многоуважаемому Ивану Егоровичу Забѣлину нашу глубокую признательность за дозволеніе воспользоваться его двумя рукописями.

1) Е. В. Барсовъ. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси, т. I, стр. 415 и 416; А. И. Кирпичниковъ. Опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпоса. Поэмы Ломбардскаго цикла, стр. 158, примѣчаніе.

пиской подобныхъ тетрадей занимались между прочимъ отставные приказные[1]).

Особнякомъ отъ текстовъ такого происхожденія слѣдуетъ поставить тѣ сказанія объ Ильѣ Муромцѣ, которыя помѣщены въ «Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ», то-есть, въ такъназываемомъ сборникѣ Кирши Данилова. Они также извлечены изъ рукописи XVIII вѣка, но между ними и вышеисчисленными текстами есть существенное различіе во внѣшней формѣ. Отличительную особенность сихъ послѣднихъ составляетъ то, что въ нихъ былины воспроизведены безъ соблюденія размѣра стиховъ, какъ прозаическіе разскàзы, почему и писаны сплошными строками; мало того: писавшіе принуждены были подправлять свое изложеніе оборотами рѣчи и спайками въ книжномъ стилѣ; особенно яркіе примѣры въ этомъ отношеніи можно подобрать въ «Исторіи» по рукописи И. Е. Забѣлина № 71, гдѣ встрѣчается довольно много словъ книжнаго языка, и гдѣ всѣ отдѣльныя части разсказа связываются между собою вставочными выраженіями: *и тако*, *и потомъ*, *и тутъ*, и т. д. Иначе поступалъ составитель сборника Кирши Данилова: онъ также писалъ «безъ раздѣленія стиховъ», однако записывалъ свои тексты—выражаясь словами П. А. Демидова—«отъ сибирскихъ людей, которые прошедшую исторію поютъ на голосу»[2]), то-есть, имѣлъ въ виду пѣсенный складъ былинъ и вмѣстѣ со словами отмѣчалъ напѣвъ: оттого и удалось ему сохранить размѣръ былевого стиха и вообще удержать весь типическій обликъ народной былины. Для объясненія этого различія припомнимъ нѣкоторыя замѣчанія А. Ѳ. Гильфердинга въ его разсказѣ объ олонецкихъ сказителяхъ. По его словамъ, они затрудняются передавать былины «пословесно», безъ напѣва;

---

1) Сочиненія, письма и избранные переводы князя А. Д. Кантемира, т. I, стр. 326; А. Н. Пыпинъ. Очеркъ исторіи повѣстей и сказокъ, стр. 289 и 290. Болѣе раннія свѣдѣнія о книжной торговлѣ на Спасскомъ мосту см. въ Актахъ Историческихъ, т. V, стр. 117, въ Полн. Собраніи Законовъ, т. VI, № 3755, и въ Исторіи Моск. славяно-греко-латинской академіи С. Смирнова, стр. 129.

2) Москвитянинъ 1854 г., № 1 и 2, Историческіе матеріалы, стр. 9.

именно «напѣвъ поддерживаетъ стихотворный размѣръ, который при передачѣ сказителемъ былины словами тотчасъ исчезаетъ отъ пропуска вставочныхъ частицъ и слiянiя двухъ стиховъ въ одинъ». Даже столь искусному собирателю, какъ Гильфердингъ, не удавалось записывать былину при пѣнiи ея сказителями: «Когда они начинали сказывать ее нараспѣвъ, то не въ состоянiи были остановиться, чтобы не пропѣть цѣлую тираду, которую могъ бы записать развѣ стенографъ; когда же я ихъ останавливалъ и просилъ повторить то же потише, то впадали въ прозаическiй пересказъ, въ которомъ стихосложенiе исчезало» [1]). Въ такомъ именно видѣ разрушенныхъ былинъ и представляются вышеисчисленные тексты: полуграмотные записыватели ихъ, слѣдя только за ихъ содержанiемъ, а не за напѣвомъ и не за размѣромъ, не умѣли уловить всѣ тонкости послѣдняго, и понятно, ихъ записи сами собою облеклись въ прозаическую форму. Сборникъ Кирши Данилова обличаетъ руку болѣе искуснаго собирателя; кто онъ былъ — не извѣстно, но трудъ его свидѣтельствуетъ, что онъ обладалъ нѣкоторымъ музыкальнымъ чутьемъ; не только содержанiе, но и напѣвъ и размѣръ былевого стиха не ускользнули отъ его вниманiя, и вообще, записывая прямо съ народныхъ устъ, онъ сумѣлъ приблизиться къ тѣмъ прiемамъ, которые употребляются современными собирателями. Такое достоинство его труда не позволяетъ ставить его записи на одну доску съ текстами, сохранившимися въ народныхъ тетрадкахъ.

Есть у Гильфердинга еще одно замѣчанiе, важное съ точки зрѣнiя записыванiя былинъ. Онъ говоритъ, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: одна — мѣста типическiя, «по большей части описательнаго содержанiя, либо заключающiя въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ», и другая — мѣста переходныя, «въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствiя». Типическiя мѣста сказитель знаетъ твердо и поетъ всегда въ одинаковомъ изложенiи; напротивъ того, переходныя мѣста, служащiя

1) Онежскiя былины, введенiе, стр. XXXII и XXXIII.

звеньями между типическими, сказитель постоянно варьируетъ, «то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія»[1]). Понятно, что при записываніи эти переходныя мѣста представляютъ наибольшую трудность; это подтверждаютъ и наши старинные рукописные тексты: упомянутыя выше вставки книжныхъ выраженій въ Забѣлинской рукописи № 71 оказываются какъ разъ въ такихъ мѣстахъ, которыя могутъ быть названы переходными; въ особенности расходятся наши тексты въ двухъ мѣстахъ — тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отъѣздѣ Ильи изъ-подъ града Себежа, и тамъ, гдѣ разсказывается о пріѣздѣ его въ Кіевъ. Очевидно, для этихъ мѣстъ не существовало вполнѣ выработаннаго изложенія; записывателямъ приходилось выбирать редакцію по своему усмотрѣнію и передавать ее по мѣрѣ своего умѣнья: тутъ уже не могло быть и помышленія о томъ, чтобы сохранить стихотворный размѣръ.

Кромѣ сказаннаго, при оцѣнкѣ старинныхъ рукописныхъ текстовъ необходимо имѣть въ виду еще слѣдующее. Тексты эти дошли до насъ не въ подлинныхъ записяхъ съ устъ, которыя, вѣроятно, были сдѣланы еще въ XVII вѣкѣ, а въ копіяхъ, снятыхъ на цѣлые десятки лѣтъ позже; почти несомнѣнно, что при послѣдовательномъ списываніи тексты эти еще болѣе потерпѣли: съ одной стороны, приняли въ себя новыя измѣненія не въ стилѣ древняго эпоса, а съ другой—пострадали отъ пропусковъ намѣренныхъ и случайныхъ; такъ, при сличеніи даже очень сходныхъ между собою текстовъ Буслаевскаго и Библіотечнаго замѣчаются въ томъ и другомъ поочередно пропуски, и полный смыслъ памятника можетъ быть возстановленъ только чрезъ взаимное пополненіе этихъ двухъ текстовъ. Наконецъ, можно допустить и то, что писцы нашихъ рукописей хоть и копировали съ болѣе старыхъ оригиналовъ, однако могли, независимо отъ того, знать и держать въ памяти нить всего сказанія и потому относились къ воспроизведенію своихъ подлинниковъ нѣсколько вольно.

---

1) Онежскія былины, стр. XXVII.

Сличеніе нашихъ текстовъ по содержанію или, лучше сказать, по ихъ плану и составнымъ частямъ приводитъ также къ нѣкоторымъ любопытнымъ заключеніямъ. Текстъ Забѣлинской рукописи № 82, означенный въ нашемъ перечнѣ шестымъ, представляетъ схему болѣе широкую, чѣмъ схема первыхъ четырехъ текстовъ. По этимъ послѣднимъ, содержаніе сказанія опредѣляется слѣдующими главными моментами:

1) Илья выѣзжаетъ изъ Мурома и при отъѣздѣ кладетъ на себя заповѣдь великую—не вынимать оружія во время пути.

2) Илья освобождаетъ Себежъ отъ нападенія трехъ царевичей, но отказывается остаться въ этомъ городѣ.

3) Илья наѣзжаетъ Соловья Разбойника, побѣждаетъ его и посѣщаетъ села Кутузовы.

4) Илья является въ Кіевъ съ плѣннымъ Соловьемъ, который своимъ свистомъ пугаетъ князя Владиміра; Илья пріобрѣтаетъ милость князя.

Забѣлинскій текстъ № 82 не только излагаетъ весь рядъ этихъ происшествій, сопровождая ихъ многими особенными подробностями, но и дополняетъ разсказъ еще однимъ эпизодомъ — о томъ, какъ въ отсутствіе Ильи на Кіевъ напалъ Идолище, и какъ внезапно вернувшійся Илья спасъ отъ него стольный городъ. Судя по тому, что́ извѣстно въ печати о содержаніи Барсовскаго текста, онъ подходитъ къ Забѣлинскому № 82. Напротивъ того, короткій отрывокъ въ рукописи Московскаго музея примыкаетъ къ первымъ четыремъ текстамъ[1]). Такую разницу слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что разсматриваемые рукописные тексты ведутъ свое происхожденіе отъ двухъ различныхъ устныхъ пересказовъ. И дѣйствительно, въ сборникахъ произведеній народной словесности можно указать нѣсколько пересказовъ, близкихъ по своей схемѣ къ первымъ четыремъ письменнымъ текстамъ; такова, напримѣръ, былина, записанная въ селѣ Павловѣ, Ниже-

1) Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ уже не придется касаться ни Барсовской рукописи, какъ не изданной, ни Музейной — по ея отрывочности.

городской губерніи[1]). Устнаго пересказа, который по своему составу соотвѣтствовалъ бы вполнѣ Забѣлинскому тексту № 82, не извѣстно, и послѣдній эпизодъ его — о борьбѣ Ильи Муромца съ Идолищемъ, который поселился въ Кіевѣ, составляетъ обыкновенно предметъ особой устной былины; но это не исключаетъ возможности, чтобы существовалъ и такой сводный пересказъ: эпизодъ объ Идолищѣ присоединенъ въ рукописи № 82 къ остальнымъ частямъ сказанія не только механически; напротивъ того, по общему смыслу этого текста, лишь послѣ побѣды надъ Идолищемъ Илья окончательно пріобрѣтаетъ милость князя Владиміра, тогда какъ по другимъ рукописнымъ текстамъ онъ заслуживаетъ эту милость укрощеніемъ Соловья Разбойника. Какъ бы то ни было, текстъ рукописи г. Забѣлина № 82 стоитъ одиноко, безъ сходныхъ съ нимъ списковъ. Къ тому же онъ изобилуетъ чисто книжными выраженіями и даже вставками, которыя напоминаютъ обработку русскихъ сказокъ въ извѣстномъ старинномъ сборникѣ М. Д. Чулкова[2]). Поэтому мы ограничиваемся лишь изданіемъ этого текста въ возможной точности, но не сопоставляемъ его съ прочими.

Напротивъ того, что касается тѣхъ четырехъ рукописныхъ текстовъ, которые стоятъ въ началѣ нашего перечня, то они оказываются близко сходными между собою не только по своей схемѣ, но и по подробностямъ разсказа и по изложенію; притомъ же, эпическій стиль выдержанъ въ нихъ почти въ равной степени, и только Забѣлинская рукопись № 71 представляетъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи нѣкоторое уклоненіе отъ прочихъ трехъ. Все это даетъ право разсматривать эти четыре текста въ одной связи, какъ четыре списка одной редакціи одного памят-

1) Пѣсни Кирѣевскаго, вып. I, стр. 34—39.

2) Текстъ этотъ находится въ связи и съ лубочными сказками объ Ильѣ Муромцѣ: тѣ изъ нихъ, которыя перепечатаны въ I-мъ выпускѣ «Пѣсенъ» Кирѣевскаго подъ № 3 и въ «Русскихъ народныхъ картинкахъ» Д. А. Ровинскаго, т. I, стр. 2—7, могутъ быть разсматриваемы какъ сильно сокращенное и попорченное воспроизведеніе Забѣлинскаго текста изъ рукописи № 82.

ника, и позволяетъ на ихъ основаніи установить его правильное чтеніе.

Изъ этихъ четырехъ списковъ самымъ полнымъ и исправнымъ въ изложеніи оказывается Библіотечный. Изъ прочихъ ближе всѣхъ къ нему стоитъ Буслаевскій. Остальные два списка — Тихонравовскій и Забѣлинскій № 71 — отличаются отъ двухъ первыхъ большею сжатостью изложенія; притомъ, Тихонравовскій безъ конца, а въ Забѣлинскомъ довольно много книжныхъ оборотовъ рѣчи. Сообразно такимъ отличіямъ списковъ, въ основу нашего чтенія положенъ списокъ Библіотечный, а прочіе, особенно Буслаевскій, употреблены для поправокъ и дополненій. Собственно поправокъ къ основному списку приходилось дѣлать немного, а если дополненія внесены въ значительномъ количествѣ, то это объясняется пропускомъ въ Библіотечномъ спискѣ нѣкоторыхъ, такъ-сказать, повторительныхъ выраженій и эпитетовъ, свойственныхъ эпическому стилю. О возстановленіи стихотворнаго склада, разумѣется, нечего было и думать, но размѣренность рѣчи чувствуется еще въ нѣкоторыхъ частяхъ памятника, напримѣръ, въ самомъ началѣ его, а потому и вставки изъ побочныхъ списковъ дѣлались иногда въ виду этого соображенія. Кромѣ того, нѣкоторыя выраженія оказались въ основномъ спискѣ написанными дважды по винѣ писца: ихъ естественно было исключить.

Независимо отъ сличенія списковъ, употребленъ былъ еще другой пріемъ для установленія правильнаго чтенія текста: встрѣчающіяся въ памятникѣ эпическія выраженія сравнивались со сходнымъ употребленіемъ ихъ въ другихъ произведеніяхъ нашей древней и старинной письменности. Этимъ путемъ удалось оправдать и подтвердить нѣкоторыя черты изложенія, находящіяся только въ основномъ спискѣ.

Послѣ этихъ общихъ предварительныхъ замѣчаній изложимъ въ частности тѣ соображенія, которыми мы руководствовались, устанавливая чтеніе разныхъ мѣстъ въ нашемъ памятникѣ.

Въ Библіотечномъ и Буслаевскомъ спискахъ нашъ памятникъ названъ «Повѣстью», въ Тихонравовскомъ — «Сказаніемъ», а въ Забѣлинскомъ—«Гисторіей». Г. Тихонравовъ справедливо замѣтилъ, что этотъ послѣдній терминъ относится ко второй половинѣ XVIII вѣка, когда имъ обозначались переводные романы и повѣсти [1]); но такъ какъ, по всей вѣроятности, нашъ памятникъ положенъ на бумагу еще въ XVII столѣтіи, то слѣдуетъ удержать названіе «Повѣсти», весьма распространенное въ то время и находящееся въ двухъ главныхъ спискахъ издаваемаго произведенія.

То же заглавіе даетъ поводъ къ другому замѣчанію. Писецъ Библіотечнаго списка постоянно называетъ героя «Повѣсти» *Муравѣцъ*, а родину его — *Муровъ*, *Моровъ*, и только болѣе поздній читатель рукописи переправилъ первую изъ этихъ формъ въ заглавіи и кое-гдѣ въ текстѣ на общеупотребительную—Муромецъ. Очевидно, въ оригиналѣ, съ котораго «Повѣсть» списана въ Библіотечный сборникъ, всюду стояло *Муравѣцъ:* форма, доселѣ не встрѣчавшаяся ни въ одномъ устномъ пересказѣ былинъ, но извѣстная по нѣсколькимъ отрывочнымъ упоминаніямъ въ литературѣ, преимущественно иностранной [2]). Не касаясь вопроса о томъ, какая изъ этихъ формъ древнѣе, замѣтимъ, что формы *Моровъ*, *Муровъ*, *Муровѣцъ*, *Муравѣцъ* и имъ подобныя могли возникнуть изъ смѣшенія названія города Мурома съ названіемъ городка *Моравѣйска*, существовавшаго въ Черниговской землѣ еще въ XII вѣкѣ [3]). Мы однако не рѣшились удержать формы *Муровъ*, *Муровѣцъ* или *Муравѣцъ* въ текстѣ и замѣнили ихъ общеупотребительными.

Первыя строки Библіотечнаго списка не вполнѣ удовлетворительны: въ нихъ встрѣчается выраженіе: «*въ умѣ* держалъ»,

1) Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка, стр. 9 и 10.

2) Они собраны въ двухъ замѣткахъ А. Н. Веселовскаго въ Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія 1883 г., апрѣль, и 1890 г., мартъ.

3) Н. П. Барсовъ. Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи, стр. 127.

очевидно неумѣстное. и во всякомъ случаѣ не дающее яснаго смысла. Вмѣсто того въ спискахъ гг. Буслаева и Забѣлина читается исправнѣе: «*походъ* держалъ». Но вслѣдъ затѣмъ обнаруживается преимущество Библіотечной рукописи: условіе завѣта, положеннаго Ильей, высказано въ ней совершенно точно и ясно, тогда какъ у г. Буслаева ему данъ вполнѣ превратный смыслъ. Списокъ г. Забѣлина согласенъ въ данномъ случаѣ съ Библіотечнымъ, — въ Тихонравовскомъ же эта подробность совсѣмъ опущена.

Слѣдующій затѣмъ разсказъ объ освобожденіи града Себежа, при общемъ сходствѣ во всѣхъ спискахъ, представляетъ въ Библіотечномъ нѣсколько дополнительныхъ эпическихъ чертъ. Такъ, по текстамъ гг. Буслаева и Забѣлина, Илья, когда подъѣзжаетъ къ Себежу, видитъ осаждающее его войско. По Библіотечному списку, богатырь, еще не видя войска, «услышалъ *крикъ* і *стукъ* і *конское ржаніе*» — признаки какой-то обложившей городъ вражеской силы. Замѣчательные тексты сказокъ изъ такъназываемаго Истоминскаго сборника въ Московскомъ публичномъ музеѣ (коллекціи Ундольскаго) знаютъ тѣ же выраженія; такъ, въ Сказаніи объ Урусланѣ Залазаревичѣ приближеніе вѣщаго коня Араша знаменуется тѣмъ, что «в поле учинился *великой стукъ* необычайной» [1]), а въ Словѣ о Бовѣ королевичѣ герой, «послышавъ за градомъ *зукъ* и *топот конской*», спрашиваетъ о причинѣ и узнаетъ о происходящей битвѣ [2]). Въ другой редакціи той же сказки, также XVII вѣка, этотъ вопросъ Бовы изложенъ такими словами: «Что за городомъ *шумъ* великъ и *конское ржание?*» [3]) Припомнимъ еще тавтологическое выраженіе въ Задонщинѣ: «Уже бо *стукъ стучить* и *громъ гремить* рано предъ зорею? То ти не *стукъ стучить*, ни *громъ гремить*: князь Володимеръ Ондрѣ-

---

1) Лѣтописи р. литературы и древности, т. II, стр. 104.

2) А. Н. Веселовскій. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. II, приложеніе, стр. 246.

3) Памятники древней письменности 1879 г., вып. I, стр. 56.

евичь полки перебираетъ и ведетъ вои свои»[1]), — имѣющее свой прототипъ въ Словѣ о полку Игоревѣ[2]), и наконецъ, слова лѣтописи по Ипатскому списку подъ 1240 годомъ: «Приде Батый Кыеву... и не бѣ слышати отъ гласа скрипания телѣгъ его, множества ревения вельблудъ его, и *рьжания* отъ гласа стадъ *конь* его».

Замѣтивъ, что три царевича хотятъ Себежъ градъ «за щитомъ взять»[3]), Илья, по Библіотечному списку, «напущаетъ на ихъ силу вѣликую, *какъ на галъчье стадо*». Въ спискахъ гг. Забѣлина и Тихонравова тутъ вовсе нѣтъ сравненія, а въ текстѣ г. Буслаева оно читается такъ: «побилъ силу великую, *бутто заичье стадо*»; но «заичье» вмѣсто «галечье» сказано, конечно, по ошибкѣ, ибо примѣры другихъ памятниковъ свидѣтельствуютъ въ пользу Библіотечнаго списка. Такъ, въ «Гистории о киевскомъ богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенатцати летъ», по рукописи XVIII вѣка, читается: «и сталъ напущать онъ на полки татарские, *что ясенъ соколъ на стада на галечья*»[4]). То же сравненіе, въ обычной нашему народному языку отрицательной формѣ, находится и въ Сказаніи о Еруланѣ: «*не ясенъ соколъ напущается на гуси и на лебеди*, напущаетъ Иванъ руской богатырь на рать Ѳеодула царя змія»[5]). Въ лѣтописи по Лаврентіевскому списку подъ 1097 годомъ также есть выраженіе равно близкое какъ къ этимъ примѣрамъ, такъ и къ словамъ Библіотечнаго списка:

---

1) Задонщина в. князя Дмитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича. Чтеніе И. И. Срезневскаго, стр. 22.

2) «Что ми *шумить*, что ми *звенить* давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаеть».

3) Это выраженіе, находящееся въ Буслаевскомъ, Забѣлинскомъ и Библіотечномъ спискахъ, встрѣчается и въ Сказаніи о Еруланѣ, XVII в. (Памятники стар. р. литературы, вып. II, стр. 329), а въ лѣтописяхъ ему соотвѣтствуетъ «взяти на щитъ».

4) Эта «Гистория», извѣстная въ рукописи Московскаго публичнаго музея, № 774, издана по сообщенной мною копіи въ «Южно-русск. былинахъ» А. Н. Веселовскаго, стр. 20—27.

5) Памятники ст. р. литературы, вып. II, стр. 329.

Половцы «сбиша Угры акы в мячь, *яко се соколъ сбиваеть галицѣ»* [1]).

По Забѣлинскому списку, побѣда Ильи Муромца надъ царевичами происходитъ «у морской пристани»; но другіе списки «Повѣсти» не знаютъ этой черты, и она, конечно, не принадлежитъ коренному сказанію, а составляетъ примѣръ нарощенія подробностей, вообще свойственный народному эпосу: побѣда одержана у моря потому, что выше сами царевичи названы заморскими.

По освобожденіи Себежа происходитъ разговоръ между царемъ этого города и Ильей Муромцемъ. Только въ спискѣ г. Забѣлина царь названъ *Себежскимъ*, тогда какъ въ трехъ другихъ онъ именуется *Сибирскимъ* или *Сибѣскимъ*. Эта послѣдняя форма, встрѣчающаяся въ рукописи г. Тихонравова, даетъ ключъ къ объясненію происшедшаго искаженія: въ первоначальной записи слово *Себежской* могло быть написано съ вынесеннымъ на верхъ *ж* и потому было прочтено какъ Себерской или Сибирской. Ошибка была тѣмъ возможнѣе, что въ старину названіе зауральскихъ странъ нерѣдко писалось: *Сибѣрь*, также съ вынесеннымъ наверхъ окончаніемъ. Правильное чтеніе Забѣлинскаго списка дало возможность внести соотвѣтствующую поправку во всѣ тѣ мѣста, гдѣ упоминается царь освобожденнаго Ильей города [2]).

Общій смыслъ разговора между этимъ царемъ и Муромцемъ одинаковъ во всѣхъ спискахъ, но только ихъ взаимное сопоставленіе можетъ дать настоящее правильное чтеніе этого мѣста «Повѣсти» и выяснить ходъ разговора. Послѣдняя въ немъ рѣчь Себежскаго царя, почти тожественная во всѣхъ спискахъ, заклю-

---

1) А. Н. Веселовскій (Южно-русск. былины, стр. 23—29) сближаетъ съ вышеприведенными словами «Гисторіи» о Михаилѣ нѣкоторыя выраженія Слова о полку Игоревѣ.

2) Въ Забѣлинской рукописи № 82, а также въ лубочной сказкѣ (Ровинскій, Р. нар. картинки, т. I, стр. 3), Себежскій царь названъ Киберскимъ: это дальнѣйшее искаженіе того же слова. Названіе Себежа не совсѣмъ забыто и народными пересказами: въ одной онежской былинѣ (Пѣсни Рыбникова, т. III, стр. 17) освобожденный Муромцемъ городъ названъ Бѣжеговымъ.

чаетъ въ себѣ изложенное въ яркомъ эпическомъ стилѣ описаніе заставы, которая устроена Соловьемъ Разбойникомъ на пути въ Кіевъ. Нѣсколько далѣе это описаніе дополняется тѣмъ, что самъ Соловей сидитъ «на дубахъ», на двѣнадцати — по списку г. Буслаева, а по остальнымъ — на девяти.

Богатырскія заставы, описываемыя въ нашихъ былинахъ, уже давно были сближаемы съ тѣми сторожевыми заставами, которыми издревле ограждалась Русь отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ. Въ недавнее время А. А. Потебня повторилъ это сближеніе и дополнилъ его новыми данными [1]). Драгоцѣнныя свѣдѣнія о бытѣ русскихъ станичниковъ сохранилъ уставъ о сторожевой и станичной службѣ, составленный въ 1571 году на основаніи опыта многихъ прежнихъ лѣтъ. Уставомъ этимъ предписывалось между прочимъ: «сторожамъ на сторо̀жахъ стояти въ тѣхъ мѣстѣхъ, которые бъ мѣста были усторожливыя, гдѣ бъ имъ воинскихъ людей мочно усмотрѣти; а стояти сторожемъ на сторо̀жахъ съ коней не съсѣдая; ... а воеводамъ и головамъ надъ сторожами смотрити накрѣпко, чтобъ у сторожей лошади были добры, и ѣздили бъ на сторо̀жи, на которыхъ стеречи, о дву конь, на которыхъ бы лошадехъ мочно видѣвъ людей уѣхати, а на худыхъ бы лошадехъ однолично на сторожи не отпущати» [2]). Такимъ коннымъ сторожемъ изображенъ, въ Сказаніи о Еруслане, Ивашка Бѣлая Епанча, и его сторо̀жа описана почти въ тѣхъ же эпическихъ выраженіяхъ, что̀ застава Соловья Разбойника въ нашей «Повѣсти»: Ивашка «стережетъ въ чистѣ полѣ на дорогѣ 33 лѣта, а во царство (Индѣйское) *мимо его никаковъ богатырь не проъжживалъ, не звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала*». Въ томъ же Сказаніи находимъ описаніе и разъѣздовъ коннаго сторожа: «и ходилъ Еруслонъ Лазаревичь мѣсяцъ, и другой, и третій, ажно нашелъ сокму: въ ширину та

1) Живая старина, вып. III, стр. 124—126, и тамъ же, стр. 243 и 244, дополнительная замѣтка В. И. Ламанскаго.

2) О сторожевой службѣ на польской украйнѣ Московскаго государства, статья И. Д. Бѣляева въ Чтеніяхъ Моск. Общества исторіи и древностей 1846 г., № 3, стр. 16 и 18.

сокма пробита какъ доброму стрѣлцу стрѣлить, а въ глубину та сокма пробита какъ доброму коню скочить. И стоячи на той сокмѣ, Еруслонъ удивился и говоритъ таково слово: «Кто де по сей сокмѣ ѣздитъ?» Ажно по той сокмѣ ѣздитъ богатырь, старъ человѣкъ, — конь подъ нимъ сивъ, — Алокти-Гирей» [1]).

А. А. Потебня указываетъ, что у станичниковъ XVI — XVII вѣковъ, стерегшихъ татарскія сакмы, бывали на взлѣсьѣ помосты, «кровати» на дубахъ: «а сторожа въ острогѣ (то-есть, не внутри его, а при немъ) — караульная кровать на дубу, на сакму видѣть», говорится въ одномъ документѣ 1632 года. Съ такою кроватью г. Потебня очень удачно сравниваетъ помѣщенное на дубу гнѣздо Соловья Разбойника, прибавляя притомъ, что «сидѣнье Соловья не на одномъ «широкомъ» дубу, скрывающемъ караульщика, а на трехъ, затѣмъ девяти, двѣнадцати, тридевяти дубахъ, можетъ быть понято, какъ гипербола, вызванная тѣмъ, что онъ не простой, а изъ ряду вонъ разбойникъ». Такой же гиперболическій оттѣнокъ присущъ и всему эпическому описанію Соловьевой заставы. Данное г. Потебней объясненіе устраняетъ необходимость видѣть въ Соловьѣ сверхъестественное существо, получеловѣка-полуптицу. Дѣйствительно, въ нашей «Повѣсти» онъ является въ простомъ человѣческомъ образѣ — лѣсного разбойника. Самое имя его — одно изъ обычныхъ «мірскихъ» именъ или прозвищъ въ старинной Руси.

Паденіе раненаго Ильей Соловья съ дубовъ сравнивается въ «Повѣсти» съ паденіемъ *овсянаго снопа*. Уже одно присутствіе этого сравненія во всѣхъ четырехъ спискахъ даетъ поводъ отнести эту подробность къ числу коренныхъ въ сказаніи; а что на нее слѣдуетъ смотрѣть какъ на одну изъ особенностей эпическаго стиля, это видно изъ того, что она встрѣчается и въ Словѣ о Бовѣ въ Истоминскомъ сборникѣ: дворянъ короля Маркобруна Бова «мечет с коней *что снопов*» [2]).

---

1) Памятники ст. р. литературы, вып. II, стр. 329 и 326.

2) А. Н. Веселовскій. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. II, приложеніе, стр. 245.

Названіе рѣки, что течетъ близъ Соловьевыхъ дубовъ, является въ Библіотечномъ спискѣ въ своеобразной формѣ *Смородыня*; мы не сочли возможнымъ удержать его въ нашемъ чтеніи, такъ какъ въ рукописяхъ гг. Буслаева и Тихонравова тоже названіе встрѣчается въ другой формѣ—*Смородина*, *Смородинка*, болѣе знакомой устному народному творчеству и не совсѣмъ чуждой книжнымъ литературнымъ памятникамъ [1]).

Въ одномъ изъ списковъ «Повѣсти», въ Тихонравовскомъ, Соловей Разбойникъ названъ Будимеровымъ или Будимеровичемъ. Появленіе этого прозвища, подъ которымъ извѣстенъ одинъ изъ героевъ Кіевскаго цикла, при имени противника Ильи Муромца даетъ поводъ къ нѣкоторымъ интереснымъ соображеніямъ.

Извѣстно мнѣніе И. В. Ягича, который считаетъ возможнымъ вывести обоихъ Соловьевъ нашего эпоса, то-есть, и Разбойника, и Будимировича, изъ образа сказочнаго Соломона и даже отожествить ихъ въ одномъ лицѣ [2]). «Соловей Разбойникъ Будимеровичъ» Тихонравовскаго списка могъ бы служить къ подтвержденію такой догадки. Но прежде всего нельзя не принять во вниманіе, что такое соединеніе этихъ двухъ прозвищъ при имени Соловья составляетъ фактъ совершенно единичный, не повторяющійся ни въ одномъ устномъ пересказѣ, ни даже въ другихъ спискахъ нашей «Повѣсти». Затѣмъ никакой внутренней связи между похожденіями Соловья Будимировича и Соловья Разбойника по былинамъ не видно; вопреки мнѣнію г. Ягича, строительство Будимировича вовсе не имѣетъ отношенія къ гнѣзду на дубахъ, въ которомъ Разбойникъ сторожитъ проѣзжихъ; если въ одной изъ Рыбниковскихъ былинъ (ч. I, стр. 54), на которую ссылается г. Ягичъ, Соловья Разбойника посылаютъ въ монастырь «строителемъ», это значитъ, что онъ долженъ не

---

1) Ѳ. И. Буслаевъ. Мѣстныя сказанія Владимірскія, Московскія и Новгородскія—въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, т. VI, стр. 15—18; Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго, т. II, прим. 301.

2) Г. Ягичъ высказалъ это мнѣніе въ своей статьѣ: «Die christlich-mytologische Schicht in der russischen Volksepik», въ I-мъ томѣ своего «Архива» (1876 г.).

сооружать обитель, а лишь управлять ею: «строителями» назывались настоятели малыхъ, приписныхъ монастырей, и эта должность, какъ и ея названіе, появились у насъ съ XV—XVI вѣковъ[1]); притомъ же, по былинѣ, бывшій разбойникъ не сумѣлъ быть «строителемъ», а оказался «разрушителемъ». Далѣе, въ характерѣ Будимировича, какъ онъ очерченъ былинами, вовсе нѣтъ воинственности, отличительной черты богатырей-стоятелей за Русскую землю, между тѣмъ какъ Соловей Разбойникъ — дикій воитель, и самъ г. Ягичъ склоненъ породнить его съ суровымъ поколѣніемъ «старшихъ» богатырей, на смѣну котораго явились въ эпосѣ Илья Муромецъ и его товарищи. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что основной мотивъ былины о Соловьѣ Будимировичѣ составляетъ брачная поѣздка этого заѣзжаго молодца[2]), и что вся его эпическая характеристика исчерпывается его роскошною обстановкой, которою онъ прельщаетъ свою невѣсту. Въ виду такихъ соображеній мы рѣшительно не видимъ ни возможности, ни надобности отожествлять въ одно лицо двухъ Соловьевъ нашего эпоса, и потому придачу отчества Будимировича къ имени Соловья Разбойника въ Тихонравовской рукописи считаемъ если не ошибкой переписчика, то случайною погрѣшностью того лица, кто первый вздумалъ положить на бумагу народную былину объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ. Не невозможно впрочемъ, что въ старину существовало и нѣсколько списковъ нашей «Повѣсти» съ такою ошибкой, и быть можетъ, одинъ изъ нихъ подалъ поводъ къ тому, повидимому, чисто случайному сопоставленію именъ Соловья Будимировича и Ильи *Муровленина*, которое указано въ одномъ западнорусскомъ документѣ 1574 года[3]). Что въ южной и западной Руси обращались въ старину рукописныя повѣсти объ Ильѣ Муромцѣ, объ этомъ можно догадываться по вышеупомянутой те-

1) Митроп. Макарій. Исторія Русской церкви, т. VII, стр. 90.

2) А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былины, стр. 77; А. А. Потебня. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, т. II, стр. 482, 663.

3) А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былины, стр. 64.

традкѣ Е. В. Барсова съ признаками «малороссійскаго письма и говора».

Возвращаемся къ обозрѣнію нашей «Повѣсти».

Отъ свиста Соловья споткнулся конь Ильи. Въ словахъ, съ которыми Муромецъ обращается къ нему, списки представляютъ нѣкоторое различіе. «Что ты, *волче*, спотыкаешся? Нетъ веть меня во всей Руской землѣ сильнея», говоритъ Илья въ рукописи г. Буслаева. Въ Тихонравовскомъ спискѣ богатырь называетъ своего коня «волчья шерсть», а въ Библіотечномъ — «волчья сыть». Это послѣднее выраженіе, безъ сомнѣнія, предпочтительнѣе по своему эпическому характеру. Въ любопытномъ по своему стилю «Сказаніи объ Азовскомъ осадномъ сидѣньи», сочиненномъ въ XVII вѣкѣ, аналогическій смыслъ имѣютъ слѣдующія слова казаковъ Туркамъ: «А какъ мы, казаки, взяли Азовъ городъ, тогда мы накормили вашимъ поганымъ трупамъ волковъ сѣрыхъ» [1]). То же представленіе о волкѣ, какъ о звѣрѣ особенно жадномъ, можно найти въ поговоркахъ и притчахъ, занесенныхъ въ наши древніе памятники, какъ напримѣръ, въ Словѣ Данила Заточника: «не возри на мя, княже господине, яко волкъ на ягня», или въ посланіи Симона къ Поликарпу: «овча пребывая въ стадѣ невпрежено будеть, а отлучившися въскорѣ погибнеть и волкомъ изъѣдено будеть» [2]).

Въ той же рѣчи, обращенной къ коню, Илья Муромецъ называетъ свое отечество «Святорусскою землей». Это выраженіе, столь обычное въ устныхъ пересказахъ народнаго эпоса, имѣетъ свою исторію и въ памятникахъ старинной письменности. Происхожденіе его, безъ сомнѣнія, связывается съ тѣмъ воззрѣніемъ, которое сложилось у русскихъ людей въ исходѣ XV вѣка, когда, по взятіи Константинополя Турками, Русь осталась единственнымъ православнымъ государствомъ, свободнымъ отъ мусульманскаго ига. Еще въ шестидесятыхъ годахъ XV столѣтія

---

1) Пѣсни Рыбникова, ч. IV, стр. 163.

2) Калайдовичъ. Памятники росс. словесности XII вѣка, стр. 230 и 253.

русскій публицистъ-монахъ, авторъ «Слова еже на латыню», говорилъ слѣдующее: «Нынѣ убо во временахъ, благопросвѣщенная земля Руская, святымъ правленіемъ Божія церкви тобѣ подобаетъ въ вселеннѣй и подъ солнечьнымъ сіаніемъ съ народомъ истиннаго къ вѣрѣ православья радоватися, одѣявся свѣтомъ благочестіа... дръжавою... великого князя Василія Васильевича» [1]). Явившись сперва среди духовныхъ лицъ, мысль о святости Руси, какъ единственной хранительницы православія, становится въ XVI вѣкѣ достояніемъ и образованныхъ міряпъ, особенно послѣ взятія Казани, послѣ громкой побѣды надъ мусульманскимъ царствомъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ участниковъ Казанскаго похода, просвѣщенный князь А. М. Курбскій, предлагаетъ въ одномъ изъ своихъ посланій подробное разсужденіе о томъ, что только на Руси уцѣлѣли въ чистотѣ истинная вѣра и благочестіе, погибшія уже въ другихъ странахъ востока и запада [2]). Въ другомъ сочиненіи того же писателя, въ «Исторіи» Ивана Грознаго, встрѣчается еще болѣе интересное для насъ мѣсто; въ III-й главѣ, разсказывая о бесѣдѣ царя съ Досиѳеемъ Топорковымъ, Курбскій обращается къ послѣднему съ такими укорами: «Про что человѣческаго естества . . . . жилы пресѣклъ еси, и всю крѣпость разрушити и отъяти хотяще, таковую искру безбожную въ сердце царя христіанскаго всѣялъ, отъ неяже во всей *Святорусской земль* таковъ пожаръ лютъ возгорѣлся?» [3]) Это — если не ошибаемся — самое раннее прямое употребленіе такого названія въ нашей старинной книжной литературѣ. Оно является тутъ еще въ торжественной обстановкѣ реторической фразы. Но въ XVII вѣкѣ оно повторяется неоднократно, и притомъ въ такихъ произведеніяхъ, которыя стоятъ въ большей или меньшей связи съ народною поэзіей. Такъ, въ пѣснѣ, сложенной по случаю возвращенія патріарха Филарета изъ польскаго плѣна въ Москву

1) А. Н. Поповъ. Историко-литературный обзоръ др.-р. полемич. сочиненій противъ латинянъ, стр. 394—395.

2) Правосл. Собесѣдникъ 1863 г., ч. II, стр. 560—563.

3) Сказанія князя Курбскаго. Изданіе 2-е, стр. 46.

14-го іюня 1619 года и тогда же записанной англичаниномъ Ричардомъ Джемсомъ, говорится:

Зрадовалось царство Московское и вся земля *Святоруская* ... [1]).

Въ упомянутомъ выше «Сказаніи объ Азовскомъ осадномъ сидѣньѣ» донскіе казаки уподобляются «*святорусскимъ* богатырямъ», а въ «Повѣсти града Иерусалима» по списку XVIII вѣка описывается, какъ «с тое страны восточныя восходитъ лучя солнца краснаго, освѣтила всю *землю Свѣторускую*» [2]). Ѳ. И. Буслаевъ обратилъ вниманіе на глубоко національный духъ этого произведенія, наивно выразившійся въ пріуроченіи всѣхъ святынь христіанскаго міра къ Русской землѣ. Тотъ же національный духъ сказался и въ «Повѣсти» объ Ильѣ Муромцѣ, когда она влагаетъ въ уста этого главнаго героя народнаго эпоса похвальбу о его неодолимой силѣ.

Въ описаніи боя Ильи съ Соловьемъ въ Библіотечномъ спискѣ есть небольшой пропускъ: Муромецъ «Соловья Разбойника в правой гласъ»... Въ спискѣ г. Буслаева здѣсь читается: «во Соловья Разбойника попалъ»; въ спискѣ г. Тихонравова: «убил ево въ правое око», въ спискѣ г. Забѣлина: «попалъ Соловья в правой гласъ». Мы однако не остановились ни на одномъ изъ этихъ варіантовъ и препочли имъ слово «билъ», такъ какъ оно встрѣчается въ Библіотечномъ спискѣ далѣе, въ разсказѣ Ильи объ его боѣ съ Разбойникомъ.

Въ описаніи прибытія Ильи со своимъ плѣнникомъ къ селамъ Кутузовымъ Библіотечный списокъ опять оказывается не вполнѣ исправнымъ. Когда Илью увидѣли двѣнадцать сыновей Соловья, то, по этой рукописи, всѣ они «зговорятъ таково слово», и затѣмъ имъ отвѣчаетъ большой сынъ. Тихонравовскій списокъ прерывается нѣсколько раньше описанія этой сцены; Забѣлин-

---

1) Памятники великорусскаго нарѣчія. Изданіе II-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, стр. 3.

2) Пѣсни Рыбникова, ч. VI, стр. 164; Лѣтописи р. литературы и древности, т. II, стр. 41.

скій передаетъ ее вкратцѣ, но Буслаевскій повѣствуетъ очень складно: въ немъ первое слово при видѣ Ильи принадлежитъ одному большому сыну, а отвѣтъ держитъ одинъ меньшой. Такое противоположеніе между старшимъ и младшимъ, при чемъ правота на сторонѣ послѣдняго, совершенно въ духѣ народнаго эпоса. Въ наше чтеніе внесенъ варіантъ Буслаевскаго списка.

Увидѣвъ отца въ бѣдѣ, Соловьята собираются «поле дать» его побѣдителю. Такъ сказано въ Библіотечномъ и Буслаевскомъ спискахъ, между тѣмъ какъ Забѣлинскій замѣняетъ эти слова болѣе понятнымъ «битися». Однако, выраженіе двухъ первыхъ списковъ должно быть предпочтено не только по своей архаичности, но и по своему смыслу. Сыновья вступаются за отца, и борьба съ Ильей представляется имъ не простою молодецкою потѣхой, а судомъ Божіимъ — въ томъ смыслѣ, какъ названа война въ лѣтописи: «Се уже мы идемъ на судъ Божий», говоритъ Изяславъ Мстиславичъ, ополчаясь на Юрія Долгорукаго, занявшаго Кіевъ [1]). Такъ и Соловьята хотятъ рѣшить дѣло полемъ, судебнымъ поединкомъ, хотятъ «битися на поли», какъ выражается Судебникъ Ивана III, и только вмѣшательство самого плѣннаго Разбойника устраняетъ это заступничество.

Послѣдній эпизодъ «Повѣсти» переданъ въ Библіотечномъ и Буслаевскомъ спискахъ очень сходно, а въ Забѣлинскомъ наиболѣе пострадалъ отъ подправокъ въ книжномъ вкусѣ, какъ напримѣръ, въ слѣдующей фразѣ: «у полаты своды потреслиса». Поэтому въ послѣдней части «Повѣсти» наше чтеніе слѣдуетъ почти исключительно основному списку, при чемъ удерживаетъ и его особенности. На двѣ изъ нихъ обратимъ здѣсь вниманіе. Въ разсказѣ Ильи объ его приключеніяхъ дважды встрѣчается любопытное слово *притчина*; такъ оно и написано въ Забѣлинской рукописи, между тѣмъ какъ въ спискѣ г. Буслаева: *причина*,— въ Библіотечномъ же находимъ оба написанія. Не подлежитъ

---

1) Лѣтопись по Ипатскому списку, подъ 6659 г., стр. 300.

однако сомнѣнію, что форма *притчина*, какъ удлиненная изъ *притча*, *притка*, должна быть предпочтена. Еще много лѣтъ тому назадъ г. Буслаевъ указалъ, что слово *притъча*, *притъка* значило въ старинномъ языкѣ случай, бѣда, а прилагательное *приточный* — опасный [1]). И до сихъ поръ слово *притча* сохраняетъ то же значеніе въ архангельскомъ говорѣ. Далѣе, грубо испорченное въ Библіотечномъ спискѣ написаніе «*вокоше чнаку* хрусталную» прочтено нами: «*въ окончину* хрусталную», ибо слово *окончина* употреблялось въ XVII вѣкѣ въ томъ же смыслѣ, что̀ *окно*: въ описи государева двора въ селѣ Коломенскомъ, составленной въ 1677 году, неоднократно упоминаются «окончины слюденые ветхіе» [2]).

Привѣтствіе, съ которымъ князь Владиміръ обращается къ Ильѣ въ концѣ «Повѣсти» есть обычная эпическая формула, встрѣчающаяся въ разныхъ памятникахъ. Такъ, царь Картаусъ говоритъ Еруслану: «и нынѣ ты живи у меня въ царствѣ и емли городы съ пригородками и съ красными селами; *казна тебѣ у меня не затворена*, и мѣсто тебѣ подлѣ меня, а другое противъ меня, а третье гдѣ тебѣ любо» [3]). Еще ближе къ нашему тексту рѣчь князя Владиміра къ молодому богатырю Михаилу Даниловичу въ «Гисторіи» о немъ: «Михаиле, сыне Даниловичю! буди ты от меня пожалованъ, *злата казна про тебя не запечатана*, драгоценное платье про тебя не изношено, *добрыя кони стоятъ не объезжаны*» [4]).

Отличіе Библіотечнаго списка отъ прочихъ составляетъ заключительная припѣвка, заканчивающая «Повѣсть» объ Ильѣ

---

1) Архивъ историко-юридическ. свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. В. Калачова, кн. 2, ч. II, стр. 46, 47; Домострой, по изд. Д. П. Голохвастова, стр. 55: «по грѣхомъ какова *притча* станетца»; Памятники дипломат. сношеній, т. I, стр. 71: «пусть далекъ и *приточенъ;* А. Подвысоцкій. Словарь обл. архангельскаго нарѣчія.

2) И. Е. Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей, т. I, приложеніе, стр. 17 и слѣд.

3) Памятники стар. р. литературы, в. II, стр. 330 и 337.

4) А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былины, стр. 27.

Муромцѣ[1]). Только нѣкоторое подобіе ей можно найдти въ другихъ памятникахъ. Такъ, одно изъ сказаній о Еруланѣ заканчивается слѣдующими словами: «Еруслану слава не минуетца отнынѣ и до вѣка. Аминь»[2]). Въ «Сказаніи о седми руских богатыряхъ», помѣщенномъ въ томъ же сборникѣ г. Буслаева, изъ котораго г. Тихонравовъ заимствовалъ одинъ изъ изданныхъ имъ текстовъ нашего памятника, похожденія богатырей также заканчиваются небольшою припѣвкою: «И ихъ храбрости слава не минуетца». Эти примѣры доказываютъ, что конечныя строки Библіотечнаго списка вполнѣ умѣстны какъ заключеніе «Повѣсти».

Сравненіе рукописныхъ текстовъ «Повѣсти объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ» съ пересказами былинъ соотвѣтствующаго содержанія, записанными прямо изъ народныхъ устъ, безъ сомнѣнія, представило бы не менѣе важныя данныя для оцѣнки эпическаго стиля нашего памятника; но мы намѣренно воздержались отъ такого сравненія, имѣя въ виду, что эти записи позднѣе рукописныхъ текстовъ, а цѣль нашего опыта заключается въ томъ, чтобы по возможности возстановить «Повѣсть» въ томъ видѣ, въ какомъ она была впервые положена на бумагу въ XVII вѣкѣ.

При печатаніи, поправки къ основному тексту набраны курсивомъ, а вставки изъ побочныхъ текстовъ заключены въ прямыя скобки. Въ правописаніи мы не слѣдовали рукописямъ буквально, но старались вообще примѣняться къ обычаямъ старинной орѳографіи и удерживали преимущественно тѣ особенности рукописей, которыя имѣютъ значеніе въ фонетическомъ отношеніи.

---

1) Въ отрывкѣ Московскаго публичнаго музея есть также подобная припѣвка (Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка, стр. 8).

2) Памятники стар. р. литературы, вып. II, стр. 339.

Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ.

(Чтеніе на основаніи четырехъ списковъ).

Во славномъ было градѣ Муромѣ слушалъ [богатырь] Илья Муромецъ заутреню воскресную и *походъ* держалъ [къ столпому граду Кіеву] къ силному ко князю Владимеру Кіевскому Всеславичу, а завѣтъ держалъ во всю востру саблю и на крѣпкой лукъ: чтобъ отнюдь во всю дорогу широкую вострыя сабли изъ ножней не вынимать и на крѣпкой лукъ титивы не кладывать.

И какъ ѣдучи будетъ подъ Себежемъ градомъ, и услышалъ крикъ и стукъ и конское ржаніе, и наѣхалъ тутъ силный Илья Муромецъ, ажно подъ Себежемъ градомъ стоятъ три царевича заморскіе, а силы съ нимъ было у всякова царевича по сту и по тысячѣ, а хотятъ они Себежъ градъ за щитомъ взять, а самого царя *Себежского* въ полонъ взять. Тутъ Илья Муромецъ отвязываетъ свою востру саблю отъ сѣдла черкаскаго и напущаетъ на ихъ силу великую, какъ на галечье стадо. И побилъ всю рать силу великую и трехъ царевичевъ въ полонъ взялъ и подарилъ *Себежскому* царю въ подарки.

[И] *Себежской* царь взговоритъ: «Ой еси ты, доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по имени и по отечеству, и котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня, государь, Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурома». И *Себежской* царь взговоритъ [таково слово]: «Откуды твоя дорога излучилась?» Отвѣтъ держалъ Илья Муромецъ: «Ѣду, государь, къ столному граду Кіеву ко князю Владимеру Кіевскому Всеславичу». И *Себежской* царь взговоритъ Ильѣ Муромцу: [«Ой еси, доброй молодецъ Илья Муромецъ! Не ѣзди къ столному граду Кіеву, ко великому князю Владимеру Кіевскому Всеславичу, живи ты у меня], служи [ты мнѣ вѣрою и правдою]; я отдамъ тебѣ полцарства [Себежскаго]». Илья Муромецъ [говоритъ: «Много мнѣ твоего жалованья!» И] спрашиваетъ у него прямой дороги къ [столному] граду Кіеву [ко князю Владимеру

Кіевскому Всеславичу]. И *Себежской* царь взговоритъ [таково слово]: «Прямая у насъ дорога ко граду Кіеву на лѣса на Брынскіе, на грязи топучіе, на мостъ калиновъ, на рѣку *Смородину*; только *та* дорога залегла ровно тридцать лѣтъ: ни единой годъ по той дорогѣ никаковъ человѣкъ конской не проѣзживалъ, ни человѣкъ *не* прохаживалъ, ни птица не пролетывала, ни звѣрь не прорыскивалъ отъ Соловья Разбойника». И тутъ богатырское сердце разгорѣлось, и поѣхалъ прямой дорогою.

И *какъ* [ѣдучи] Илья Муромецъ будетъ на мосту калиновомъ, на рѣкѣ *Смородинѣ*, и спустилъ къ нему Соловей Разбойникъ, засвисталъ своимъ разбойническимъ посвистомъ, ажно подъ Ильею [его доброй] конь впотыкнулся. И тутъ Илья Муромецъ взговоритъ [таково слово]: «Что ты, волчья сыть, рано подо мною впотыкнулся? Нѣту вѣть силнѣе меня на всей Святоруской землѣ!» И вынимаетъ свой крѣпкой лукъ и калену стрѣлу накладываетъ, Соловья Разбойника въ правой глазъ *билъ*. И Соловей Разбойникъ упалъ съ девяти дубовъ, что овсяной снопъ свалился. Илья Муромецъ сѣлъ у него на бѣлы груди и хотѣлъ у него вынять сердце ретивое. И змолился Соловей Разбойникъ: «Ой еси ты, сильный могучій богатырь Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ! Оставь душу хотя на покаяніе!» Что взговоритъ Илья Муромецъ Соловью Разбойнику: «Скажи мнѣ ты: гдѣ твоя золота казна лежитъ?» И Соловей Разбойникъ взговоритъ таково слово: «Моя, государь, золота казна лежитъ [въ] моихъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцу гонять ровно два мѣсяца, а скоро на скоро во единъ мѣсяцъ». Илья Муромецъ привязываетъ Соловья Разбойника къ своему стремени булатному [и скачетъ съ горы на гору, а у рѣки перевозу не спрашиваетъ].

И какъ ѣдучи будутъ подъ селами Кутузовыми, и увидѣли Соловья Разбойника ево 12 сыновей. [Болшой] *взговоритъ* таково слово: «Вонъ ѣдетъ нашъ батюшко, везетъ мужика у стремени привязана». А *меншой* сынъ взговоритъ [таково слово]: «То де ѣдетъ Илья Муромецъ, везетъ нашего батюшка у стремени привязана». И метались въ золоту казну и надѣвали на себя

ружье богатырское, и хотятъ они съ нимъ поле дать. И Соловей Разбойникъ взговоритъ [таково слово]: «*Свѣты* вы, мое [малыя] дѣтушки, не дразните вы добраго молодца, зовите вы ево къ себѣ хлѣба кушать и сажайте ево за столы дубовы, а за ѣствы сахарныи». А Илья Муромецъ поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ къ [столному] граду Кіеву, ко князю Владимеру [Кіевскому Всеславичу].

И какъ ѣдучи будетъ ко граду Кіеву, и скачетъ чрезъ ограду каменную и ѣдетъ на княженецкой дворъ, не обсылаючи и шапки не снимаючи, а Соловья привязываетъ къ своему доброму коню богатырскому, а самъ входитъ въ полату столовую, молится чудному образу, а князю Владимеру поклоняется [и кнеинѣ], а послѣ на всѣ четыре стороны. И князь Владимеръ спрашиваетъ: Ой еси ты, доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по имени и по отечеству, и котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня, государь, Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурома». Князь Владимеръ взговоритъ: «Давно ли ты, Илья Муромецъ, изъ града Мурома поѣхалъ?» Отвѣтъ держалъ Илья Муромецъ: «Поѣхалъ я, государь, изъ Мурома, отслушавъ заутреню воскресную». И князь Владимеръ усмѣхаетца: «Что ты, Илья, бредишь? Не твои у меня гонцы: гоняютъ по два мѣсяца, а скоро на скоро во единъ мѣсяцъ съ Кіева въ Муромъ градъ». Илья Муромецъ взговоритъ [таково слово]: «Да еще на меня, государь, [были] двѣ притчины великіе и бѣды несносныи. Какъ поѣхалъ изъ Мурома [града], отслушавъ заутреню воскресную, а завѣтъ положилъ на всю востру саблю и на крѣпкой лукъ, что отнюдь во всю дорогу вострой сабли изъ ножней не вынимать и на крѣпкой лукъ титивы не кладывать; а какъ ѣдучи будетъ подъ Себежемъ градомъ, ажно стоятъ три царевича заморскіе, а силы съ нимъ было у всякова царевича по сту и по тысячѣ, а хотятъ они Себежъ градъ за щитомъ взять, а самого царя *Себежскаго* въ полонъ взять, — и я ево выручилъ побилъ всю силу ихъ [ратную] и трехъ царевичевъ въ полонъ взялъ и подарилъ *Себежскому* царю въ подарки. И другая, госу-

дарь, на меня притчина была: какъ ѣдучи [на лѣсы Брынскія], на мосту калиновомъ, на рѣкѣ *Смородинѣ*, и наѣхалъ и напустилъ на меня Соловей Разбойникъ, закричалъ громкимъ гласомъ и засвисталъ своимъ разбойническимъ посвистомъ, ажно подо мною конь впотыкнулся,—и билъ Соловья Разбойника въ правой глазъ и привезъ его съ собою въ Кіевъ градъ, и топерь онъ стоитъ у моего коня богатырскаго привязанъ у стремени».

И выглядываетъ князь Владимеръ въ *окончину* хрусталную и самъ взговоритъ: «Ой еси ты, Соловей Разбойникъ! Засвищи ты своимъ разбойническимъ посвистомъ». И Соловей Разбойникъ отвѣтъ держитъ: «Не твой холопъ, не слушаю тебя; я слушаю своего господина Илью Муромца». Велѣлъ [засвистать] Илья Муромецъ Соловью Разбойнику: засвисталъ [Соловей] разбойничьимъ посвистомъ, ажно и тутъ у богатырей скамейки подломились. И князь Владимеръ бысть велми радошенъ и зговоритъ [таково слово]: «Тебѣ у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, и добрыи кони не изъѣждены, [и погребы не замкнуты] за твою службу вѣрную и богатырскую; заслужи ты мнѣ вѣрою и правдою».

Тѣ жь люди миновалися, а слава ихъ до скончанія вѣка! Аминь. Конецъ и Богу слава! Аминь.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатыре о Илье Муромцѣ і о Соловье Разбойнике.

(По Библіотечному списку).

Во славномъ было градѣ Моровѣ [1]) слуша[лъ] Ілья Муровѣцъ заутреню воскресную и в умѣ держалъ к силному ко кънязю Владимеру Киевскому Всеславичу, а завѣтъ держалъ во всю востру саблю і на крепкой лукъ, чтобъ во всю дорогу титивы не кладывать, что[бъ] о[т]нють во всю дорогу широкую вострыя сабли із ножней не вынимать и на крепкой лукъ титивы не кладывать. I какъ едучи будѣтъ по[д]ъ Себѣжемъ градомъ, и услышалъ крикъ і стукъ і конское ржаніе, и наехалъ тутъ силны Ілья Муравѣцъ, ажно подъ Себѣжемъ градомъ стоятъ три царевича заморские, а силы с німъ было у всякова царевича по сту и по тысѣче, а хотятъ они Себѣжъ градъ за щитомъ взять, а самаго царя Сибирскаго в полонъ взять. Тутъ Илья Моровѣцъ отвязываетъ свою востру саблю отъ седла черкаскаго і напущаетъ на ихъ силу вѣликую, *какъ* на галѣчье стадо, і побилъ всю рать силу вѣликую і трехъ царевичевъ в полонъ взялъ и подарилъ Сибирскому царю в подарки. Сибирской царь взговоритъ: «О еси ты доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по имѣни и по отечеству, і котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Ілья Муровѣцъ: «Зовутъ мѣня, государь, Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, урождѣнецъ града Морова». I Сибирской царь взговоритъ: «Откуды твоя дорога ізлучилась?» Отвѣтъ держалъ Ілья Муровѣцъ: «Еду, государь, к столному граду

---

1) Въ ркпс. надъ этимъ словомъ надписано еще разъ: *градѣ Мурове*. — Далѣе слова, приписанныя надъ строкой, набраны въ текстѣ курсивомъ.

Киеву, ко князю Владимѣру Киевскому Всеславичу». I Сибирской *царь* взговоритъ Илье Муровцу: «Служи ты у мѣня; всѣ отдамъ тебѣ полцарства». Илья Муровѣцъ спрашиваетъ у него прямой дороги ко граду Киеву. I Сибирской *царь* взговоритъ: «Прямая у насъ дорога ка граду Киеву на леса на Брын[с]кие, на грази топучие, на мостъ калиновъ, на реку Смородыню,— толко тутъ тебѣ дорога залѣгла ровно тридцать летъ: ни единой годъ по той дороге никаковъ человѣкъ конской не проеживалъ, ни человѣкъ и прохаживалъ, ни птица не пролѣтывала, ни звѣрь не прорыскивалъ отъ Солов[ь]я Разбойника». I тутъ богатырское серце разгорелось, и поехалъ прямой дорогою. I такъ Илья Муравѣцъ будетъ на мосту калиновомъ, на реке Смородыне, — і спустилъ къ нѣму Соловѣй Разбойникъ, засвисталъ своимъ разбойничискимъ посвистомъ, ажно под Ыльею [1]) конь впотыкнулся. I тутъ Илья Муравѣцъ взговоритъ: «Что ты, волчья сыть, рано подо мною вподтыкнулся»? Нету вѣть силнѣе меня на всей Святоруской земле!» I вынімаетъ свой крепкой лукъ і калену стрелу накладываетъ, Соловья Разбойника в правой гласъ . . . I Соловѣй Разбойникъ упалъ з дѣвяти дубовъ, что овсяной снопъ свалился. Iлья Муравѣцъ селъ у него на бѣлы груди и хотѣлъ у него вынять сердце ретовое. И змолился Соловѣй Разбойникъ: «Ой еси ты [2]) силны могучий богатырь Илья Муравѣцъ сынъ Iвановичъ! Оставь душу хотя на покаяние!» Что взговоритъ Илья Муравѣцъ Солов[ь]ю Разбойнику: «Скажи мнѣ ты: гдѣ твоя золота казна лежитъ?» И Соловѣй Разбойникъ взговоритъ таково слово: «Моя, государь, золота казна лежитъ [3]) [въ] моихъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцу гонять ровно по два месеца, а скоро на скоро во единъ месецъ». Илья Муравѣцъ привязываетъ Соловья Разбойника к [с]воему с[т]ремени булатному. И какъ едучи будутъ по[дъ] селами Кутузовыми, і увидѣли Соловья Разбойника ево 12 сыновѣй, и зговорятъ таково слово: «Вонъ едетъ нашъ батюшко, везетъ мужика у стремени привязана». А болшой сынъ взговоритъ: «То дѣ едѣтъ Iлья Муравѣцъ, везетъ нашего батюшка у стремени привязана». I металисъ в золоту казну, і надѣвали на себя ружье богатырское, і хотятъ они с нимъ поле дать. I Соловей Разбойникъ взговоритъ: «О еси вы, мое детушки, не дразните вы добраго молотца, зовите вы ево к себѣ

1) Въ ркпс. *подылься.*

2) Послѣ *ты* въ ркпс. надъ строкой приписано *доб* — добрый?

3) Въ ркпс. это слово зачеркнуто, но другимъ не замѣнено.

хлѣба кушать і сажайте ево за столы дубовы, а за ествы сахарныи». А Илья Муравѣцъ поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ ко граду Киеву ко князю Владимеру. І какъ едучи будетъ ко граду Киеву, і скачетъ чрезъ ограду каменную, і едѣтъ какъ на княженецкой дворъ, не обсылаючи і шапки не снимаючи, а Соловья при[вя]зываетъ к своему доброму коню богатырскому, а самъ входитъ в полату столовую, молится чудному образу, а князю Владимеру поклоняется, а после на все четыре стороны. И князь Владимеръ спрашиваетъ: «О еси ты доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по имени і по [о]течеству, і котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Ілья Муравѣцъ: «Зовутъ мѣня, государь, Илюшкою, а по [о]течеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурова». Князь Владимеръ взговоритъ: «Давно ли ты, Илья Муравѣцъ, из града Мурова поехалъ?» Отвѣтъ держалъ Ілья Муравѣцъ: «Поехалъ я, государь, із Мурова, отслушавъ заутреню воскресную». И князь Владимеръ усмехаетца: «Что ты, Ілья, бредишь? Не твои у меня гонцы: гонялютъ по два месеца, а скоро на скоро во единъ месецъ с Киева [1]) в Муръ градъ». Илья Муравѣцъ взговоритъ: «Да еще на мѣня, государь, двѣ причины великие і беды несносныя: Какъ поехалъ изъ Мурова, отслушавъ заутреню воскресную, а завѣтъ положилъ на всю востру саблю і на крепкой лукъ, что отнюдь во всю дорогу вострой сабли из ножней не вынимать і на крепкой лукъ [ти]тивы не кладывать; а какъ едучи будѣтъ по[дъ] Себежемъ градомъ, ажно стоятъ три царевича заморские, а силы с нимъ было у всякова царевича по сту и по тысече, а хотятъ они Себѣжъ градъ за щитомъ взять, а самаго царя Сибирскаго в полонъ взять, і я ево выручилъ і побилъ всю силу ихъ і трехъ царевичевъ в полонъ взялъ и подарилъ Сибирскому царю в подарки. І другая, государь, на меня притчина была: какъ едучи на мосту калиновомъ, на реке Смородыне, і наехалъ і напустилъ на меня Соловѣй Разбойникъ, закричалъ громкимъ гласомъ і сасвисталъ своимъ разбойничискимъ посвистомъ, ажно подо мною конь впотыкнулся, — і билъ Соловья Разбойника в правой глазъ и привѣзъ его [с] собою в Киевъ градъ, и топерь онъ стоитъ у моего коня богатырскаго привязанъ у стремѣни привязана». І выглядываетъ князь Владимеръ в окончину [2]) хрусталную і самъ взговоритъ: «О еси ты, Соловѣй Разбойникъ! Засвищи

1) Въ ркпс. *скимъ*.
2) Въ ркпс. *вокоше чнаку*.

ты своимъ разбойничискимъ посвистомъ«. I Соловѣй Разбойникъ отвѣтъ дѣржитъ: «Не твой холопъ, не слушаю тебя; я слушаю своего господина Iлью Муравца» [1]). Велелъ Соловью Разбойнику *Iлья Муромецъ*: засвисталъ разбойничемъ посвистомъ, ажно и тутъ у богатырей скаме[и]ки подломились. I князь Владимѣръ бысть вѣлми радошенъ і зговоритъ: «Тебѣ у меня, Iлья Муравѣцъ, будѣтъ золота казна не запечатана и добрыи кони не изеждены за твою службу вѣрную і богатырскую; заслужи ты мнѣ вѣрою і правдою». Те жъ люди миновалиса, а слава ихъ до скончания века! Аминь. Конѣцъ и Богу слава!

Аминь.

2.

Гистория о Илье Муромце и о Соловье Разбойнике.

(По рукописи И. Е. Забѣлина № 71).

Во славномъ граде Муроме слушалъ Илья Муромецъ заутреню воскресную, похотъ держалъ ко граду Киеву ко славному князю Владимеру Сеславьевичу, а заветъ положилъ, чтопъ отнють во всю широкою дорогу острой сабли из ноженъ не вынимать, а на крепкой лукъ тетивы не накладывать.

И тако поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ под градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморския, а силы с ними триста тысячъ, и хотели оне Себежъ гратъ за щитомъ взять, а самого царя Себежского в полонъ взять.

И тако поехалъ Илья Муромецъ в сугонь за тремя царевичами и нагналъ ихъ у морской пристани, и достальныхъ людей побилъ, а трехъ царевичевъ в полонъ взялъ, и возвратилса во гратъ Себежъ. И увидели ево граждания и возвести о немъ царю Себежскому.

И потомъ Себежской царь приказалъ отворить врата градъския и принимаетъ Илью Муромца за руки белые, а самъ говоритъ: «Гой еси ты, доброй молодецъ, какъ тебе имя, и коего ты граду?»

---

1) Надъ буквою *в* въ словѣ *Муравца* надписано *м*.

Отвещаетъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня Ильею, по отчеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурома».

Потомъ рече Себежской царь: «Откуда твоя дорога лучилась?»

Отвещаетъ Илья Муромецъ: «Еду я на мосты колиновы».

А Илья Муромецъ спрашиваетъ у него дороги ко граду Киеву.

И рече ему Себежской царь: «Прямая у насъ дорога лежитъ на мосты колиновы, только та у насъ дорога залегла равно тритцать летъ от Соловья: никакой человекъ не прохаживалъ, и птица никакая не пролетала».

И тутъ поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ на мосту колиновомъ, и тамъ увиделъ ево Соловей и засвисталъ своимъ посвистомъ. В то время подъ Ильею Муромцомъ доброй ево конь спотыкнулса, и вынулъ Илья Муромецъ свой крепкой лукъ и наложилъ колену стрелу и попалъ Соловья в правой гласъ. В то время упалъ Соловей з девети дубовъ что овсяной снопъ, а Илья Муромецъ слесъ с своего добраго коня и хочетъ ретиво серцо вынуть.

И возмолитца ему Соловей: «Гой еси ты, доброй молодецъ, оставь душу мою хотя на покояние».

И говоритъ ему Илья Муромецъ: «Где твоя лежитъ злата казна?»

Отвещаетъ Соловей: «Лежитъ моя злата казна в моихъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцы гонятъ по два мѣсяца, а скоро на скоро мѣсяцъ».

И тутъ поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ пот селомъ Кутузовымъ, и увидели Соловья ево двенадцеть сыновъ и надеваютъ на себя збрую богатырскую и хотятъ с Ыльею Муромцомъ битися. И говоритъ Соловей: «Светы мои дети малые, зовите вы его за столы дубовые, а подносите ему меду слаткого».

Потомъ вшелъ Илья Муромецъ в ту полату каменную ко князю Владимеру, и молитца онъ чуднымъ образомъ и князю Владимеру поклоняетца, а после на все четыре стороны.

И в то время у князя Владимера было пированье великое.

Потомъ князь Владимеръ принимаетъ Илью Муромца за руки белые, а самъ говоритъ: «Гой еси ты, доброй молодецъ, какъ твое имя и коего ты граду?»

Отвещаетъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня Ильею, по отчеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурома».

Потомъ рече князь Владимеръ: «Когда ты, Илья Муромецъ, выехалъ из Мурома?»

Отвещаетъ Илья Муромецъ: «Поехалъ я из града Мурома, слушевши заутреню воскресъную. Какъ я будучи подъ градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморския, а силы с ними триста тысячъ, и хотели оне Себежъ гратъ за щитомъ взять, а самого царя Себежского в полонъ взять. Вторая притчина: какъ я будучи на мосту колиновомъ, и тамъ увиделъ Соловея, и засвисталъ своимъ посвистомъ; в то время подо мною конь спотыкнулса, и я ево из лука попалъ в правоі гласъ, и привесъ ево с собою, и теперь онъ стоитъ у моего добраго коня».

И выглянулъ Илья Муромецъ в оконце и велелъ Соловью засвистать.

И Соловей сталъ свистать. В то время у князя Владимера кресла подломилисъ, и у полаты своды потреслиса, и все богатыри на землю попадали, а ветхие хоромы и совсемъ повалилисъ. И князь Владимеръ сталъ веселъ и говоритъ ему: «Послужи ты мне, Илья Муромецъ, верою и правдою и покажи свою силу богатырскую».

И всему тому конецъ.

3.

Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолищѣ.

(По рукописи И. Е. Забѣлина № 82).

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

взялъ подъ правую руку, а воевода Черниговской подъ левую. Ілья Муромецъ говоритъ таковы речи: «Государи князь Киберской и воевода Черниговской, не подлежитъ вамъ меня, нижаишева раба, брать под руки и весть в полаты бѣлокаменныя». И взялъ ихъ обеихъ под руки і велъ ихъ в полаты, и сажал ихъ за столы за дубовыя, за скатерти браные, за ествы сахарные. И какъ сталъ пиръ навесѣле, и стали князь Киберской и воевода Черниговской спрашивать: «Пожалуй скажи, удалъ доброй молодецъ, какъ тебя зоутъ по имени и по отечеству, и уроженецъ которые земли, и роду христианскова ль?»

Ответъ держитъ Илья Муромецъ: «Я, государи, роду христианского, а уроженецъ города Мурома, села Карачарова; отецъ мой — крестьянинъ Іванъ Тимоѳѣевичъ, а меня, государи, зоутъ Илюш-

кою, а по отечеству Ивановъ сынъ; а еду я, государи, ко славному граду Киеву Богу молитца, а князю Владимеру объявитца». И сталъ князь Киберской спрашивать: «Скажи пожалуй, Илья Муромецъ, давно ль ты поехалъ из дому отца своего, и давно ль билса съ етаю силаю босурманскою?» О[т]ветъ держитъ Илья Муромецъ: «Я, государь, поехалъ вчерась пообедавши и к вамъ приехалъ вчерашняго числа, какъ вы сами видели». И какъ столъ отошелъ, Илья Муромецъ выходитъ изъ за стола дубоваго и молитца Богу по писанному и благодаритъ князя Киберского и воеводу Черниговского за хлебъ и за соль; и сталъ Богу молитца, и с ними прощаетца и спрашиваетъ ихъ: «Скажите пожалуйте, князь Киберской и воевода Черниговской, какъ мне ближе ѣхать ко славному граду Киеву—которою дорогою?» И стали ему сказывать: «Государь нашъ Илья Муромецъ сынъ Івановичъ! Мы тебѣ скажемъ прямую дорогу ко славному граду Киеву. Тебѣ, государь, премея ехать

на те леса на Брянския,
на те мосты калиновы,
чрезъ тое реку Смородину [1]);

только нетъ, государь, тамъ пропуску; ровно тритцать летъ залегла эта дорога отъ силнаго богатыря Соловья Разбойника: не пропущаетъ онъ ни пешева, ни коннова, всехъ грабитъ и убиваетъ и храбрость показываетъ всемъ силнымъ и могучимъ богатырямъ, а воюетъ онъ без оружия, толко убиваетъ своимъ разбойническимъ свистомъ».

И слыша то, у Ильи Муромца богатырское сердце разгорелоса: Богу молитца и съ княземъ прощаетца. И они ево стали просить: «Государь Илья Муромецъ, пожалуй у насъ начуй, и отслушаешъ заутреню воскресную и туды во славной градъ Киевъ поспѣешъ к обедни». Илья Муромецъ не могъ отставить прошения ихъ, у нихъ начевалъ и отслушелъ заутреню воскресную—а все эта делалосъ в Великую Суботу,—и с ними, с княземъ Киберскимъ и воеводай Черниговскимъ, похристосывалса; и они ему дали по яичку и на нихъ подписали подписъ, в которой день поспелъ из Мурома в Черниговъ градъ, и сколко падъ Черниговымъ побилъ силы босурманския.

1) Въ рукописи эти три строки написаны въ видѣ стиховъ. Такъ и далѣе нѣсколько разъ.

Илья Муромѐцъ, принявъ отъ князя [1]) Киберскаго и воеводы Черниговского отпускъ, садился на своего доброго коня и спрашиваетъ у князя Киберского: «Какъ, государь, мне узнать дорогу прямую на те леса на Брянския?» И они ему сказали: «Какъ выедешъ, государь, із нашева града в чистое поле, и увидишъ в правой стороне попрыски богатырския».

Илья Муромецъ поехалъ и выехалъ в чистыя поля и увиделъ попрыски богатырския и по нимъ поехалъ и приехалъ

на те леса на Брянския,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
к той реке Смородине.

И Соловей Разбойникъ послышелъ силнаго могучева богатыря и узналъ себѣ кончину и безчастие великое, и не допуская Илью Муромца за тритцать верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойническимъ таково крепко, что подъ Ильею Муромцомъ конь спотыкнулся. Илья Муромецъ билъ своево коня по крутымъ бедрамъ и самъ говоритъ таковы слова: «Что ты, волчья мяса, травной мешекъ! Али ты в темныхъ лесахъ не гуливалъ и соловьинаго свисту не слыхивалъ?» А самъ поехалъ путемъ своимъ. И Соловей Разбойникъ, не допустя Илью Муромца за пятнатцать верстъ, засвисталъ громче тово, и с того свисту подъ Ильею Муромцомъ конь пуще тово спотыкнулся, и онъ опять билъ коня по крутымъ бедрамъ и говоритъ такия речи: «Что ты, волчья мяса, травеной мешокъ! Или ты в темныхъ лесахъ не гуливала, соловьинаго свисту не слыхивала?» А самъ опять поехалъ дорогою и приехалъ подъ Соловьиное гнездо: свито на двенатцати дубахъ самыхъ толстыхъ, которые обоймовъ по пяти. И на техъ дубахъ на гнезде сидючи, Соловей Разбойникъ увиделъ светорускова силнова могучева богатыря і засвисталъ во весь свой свистъ разбойничей, хотелъ, чтабъ такова силнова богатыря убить до смерти, а самому бы быть в великой чести і славе во всей вселенней, и такъ громко засвисталъ, что под Ыльею Муромцомъ конь богатырской спотыкнулся на карачки со всехъ четырехъ ногъ.

---

1) За словомъ *князя* было написано: *Владимера,* но потомъ оно, какъ ошибочное, взято въ скобки.

Илья Муромецъ снимаетъ с себя тугоії лукъ и накладываетъ колену стрелу и пустилъ на то гнездо Соловьиное и попалъ в правой глазъ і в левое крыло і вышебъ левоії глазъ. И Соловеії Разбойникъ свалился з гнезда, что овсяной снопъ. Илья Муромецъ беретъ Соловья Разбойника и привязалъево крепко к стремену булатному и сталъ скакать во всю прыть конскую, и выскакалъ те леса Брянския, те грязи топучия, те мосты калиновы, и перескакалъ реку Смородину и выскочилъ в чистыя поля. Стоятъ три терема златоверховатыя. Илья Муромецъ спрашиваетъ Соловья Разбойника: «Скажи, Соловей Разбойникъ, не тотъ ли славной Киевъ градъ?»

Ответъ держитъ Соловей Разбойникъ: «Государь, удалоії доброй молодецъ, силной могучей богатырь Илья Муромецъ! Это не славной Киевъ градъ, это мои Соловьиныя палаты, а живутъ в нихъ три мои дочери». И какъ поровнялся Илья Муромецъ противъ полатъ разбойничьихъ, и у техъ полатъ были окны настешъ растворены, и в техъ окнахъ сидели дочери Соловья Разбойника, смотрели в чистыя поля з добычею отца своего и думали сами между собою, что «едитъ нашъ батюшка з добычею». И увидела меншая дочь и закричала сестрамъ своимъ: «Вонъ нашъ батюшка едитъ з добычею и везетъ к намъ мужика привязана у стременя булатнова!» А болшая дочь посмотрела і заплакала горко і закричала громкимъ голосомъ богатырскимъ: «Эта не батюшка нашъ едитъ, эта едитъ мужикъ незнаемой і везетъ нашева батюшка привязана у стремени булатнова». І закричала мужьямъ своимъ: «Мужья наши милыя, поезжайте къ мужику на встречю и отбейте у нево нашева батюшку, государя Соловья Разбойника, не кладите на нашъ родъ такова позору и безчестия». И мужья ихъ, силныя богатыри, metалисъ на конюшенной дворъ, брали своихъ добрыхъ коней и безоседлъ выехали противъ светоруского богатыря Ильи Муромца, и хотятъ отбить тестя своего; кони подъ ними добрыя, и копья у нихъ вострыя, и хотятъ Илью на копья посадить.

И увиделъ ихъ Соловей Разбойникъ и говоритъ имъ: «Зятья мои милыя, удалыя добрыя молодцы! Не позортесъ вы и не дразните такого силнаго светоруского богатыря: ежели разъдразните, всемъ вамъ принять от нево чашу смертную; лутче вамъ слесть с своихъ добрыхъ коней и просить доброва молотца для такова торжественного празника выпить по чаре зелена вина». И они ево, тестя своего, послушали, слезли с своихъ добрыхъ коней и пали в ноги удалому доброму молотцу и стали просить ево в домъ свой:

«Удалъ доброй молодецъ, силной могучей богатырь, милости у тебя просимъ в домъ отца нашева для такова торжественного празника выкушать по чарѣ зелена вина».

Илья Муромецъ, видя ихъ такую покорность, и не ведалъ ихъ такой злобы, заварачиваетъ своимъ добрымъ конемъ и поехалъ в домъ Соловья Разбойника.

И увидела болшая дочь, что едитъ Илья Муромецъ в домъ ихъ, и вскочила на верею и подхватила подворотню железную на цепяхъ и хотела Илью Муромца чтобъ пришибить тою подворотнею на воротахъ, а отца своего освободить із неволи.

И какъ Илья Муромецъ в вороты едитъ, и она тое подворотню пустила и не захватила, и опять тотъ часъ подхватила, а она была силная богатырка. И усмотрелъ Илья Муромецъ, что она сидитъ на верѣе и подхватываетъ подворотню; оборотясъ ударилъ ея шелепугою подорожною такъ силно, что отъ тое вереи отлетела на двенадцать саженъ, а самъ заворотилъ свой доброй конь и паехалъ з двора и говоритъ Соловью Разбойнику: «Спасиба, Соловей Разбойникъ, на твоей перепутной чаре; вина я у тебя не пивалъ, а в голове зашумела! А вы, Соловьята, ежели не привезетя своихъ Соловьиныхъ пожитковъ в славной Киевъ градъ, и я к вамъ приеду, то всемъ вамъ, старому и малому, смерти не миновать, все умрете злою смертию от моего острого меча». И поехалъ ко славному граду Киеву.

И какъ приехалъ в Киевъ градъ, проезжаетъ прямо на княженетской дворъ, и пустилъ своего коня богатырского среди двора княженетского и никому коня не приказываетъ [1]) и къ яслемъ не привязываетъ; и тому все слуги кнеженетския дивуютца: «Что за мужикъ приехалъ на нашъ дворъ и ни кому коня не приказываетъ и не привязываетъ?»

Илья Муромецъ пошелъ в церковь соборную; молится онъ Богу по писанному и на все четыре стороны покланяется, а особливой поклонъ отдаетъ князю Владимеру и княгине Апраксине Королевишне; и сталъ молитца по писанному.

И увиделъ князь Владимеръ такова приезжева человѣка и послалъ спросить: откуда приехалъ и какъ ево имя. И стояли съ княземъ два министра — могучия богатыри Алеша Поповичь да Добрыня Никитичь; и кинулса Алеша Поповичь и сталъ спрашивать

---

1) Послѣ *приказываетъ* было написано: *и х коновязи*, но, какъ лишнее, взято въ скобки.

неочестливо, и очень онъ пересмешливъ былъ: «Какъ тебя зоутъ, и чей ты, и что ты за мужикъ, и откуда ты приехалъ?»

Ответъ держитъ Илья Муромецъ: «Алеша Поповичъ, бабья блядь, пересмешища, пришли полутче себя и повежливея».

И Алеша Поповичь пошелъ прочь отъ него со стыдомъ и пришелъ х князю Владимеру, ответу никакова не даетъ.

И князь Владимеръ спросилъ: «Алеша, ходилъ ли ты спрашивать приезжева человека, и што онъ тебѣ сказалъ: кто онъ таковъ?»

Ответъ держитъ Алеша: «Приехалъ, государь, какой-та мужиченка, и я ево спрашивалъ, и онъ мне ответу не далъ; толко, государь, меня предъ народомъ обезчестилъ».

И какъ Владимеръ догадалса, что онъ спрашивалъ не честию, и послалъ другова министра, Добрыню Никитича, і велелъ спросить вежливо.

И Добрыня Никитичь пришелъ к Ылье Муромцу и сталъ спрашивать очесливо: «Прислалъ до васъ князь Владимеръ, приказалъ васъ спросить: откуда ваша милость приехалъ, и которова городу уроженецъ, и какъ тебя звать по имени и по отечеству?»

Ответъ держитъ Илья Муромецъ: «Государь Добрыня Никитичь, донеси великому князю Владимеру: зоутъ меня Илюшкою, а по отечеству Івановъ сынъ, уроженецъ я города Мурома, села Карачарова; а приехалъ я нарочно в славной Киевъ градъ Богу молитца, а князю Владимеру объявитца».

И Добрыня Никитичь пришелъ и объявилъ князю Владимиру: «Сказываетца Илья Муромецъ сынъ Івановичь, а уроженецъ города Мурома, села Карачарова, а приехалъ нарочно во славной Киевъ градъ Богу молитца, а тебѣ, князю Владимиру, объявитца».

И князь Владимеръ веры не иметъ, что эта силной богатырь Илья Муромецъ. И какъ отошла божественная литоргия, пошли все изъ церкви вонъ,—Илья Муромецъ дождалса князя Владимира, и какъ онъ пошелъ изъ церкви и со княгинею Апраксиной Королевишной, — и подошелъ х князю и поклонилса и похристосовалса и подарилъ ихъ теми яичками, которыми ево подарили князь Киберской и воевода Черниговской.

И князь Владимеръ, смотря на те яицы, и спросилъ у своей княгини: «Что у тебя на яйцу написано?» И она ему отвѣтствовала: «Написана на яице мудреная вещь, чему статца не можно».

И князь Владимеръ от обедни всехъ сталъ звать князей и бояръ и силныхъ могучихъ богатырей к себѣ в полаты белокамен-

ныя, и сталъ князь подносить всемъ по чаре зелена вина, и пришедъ поднесъ Илье Муромцу.

И зговоритъ Илья Муровецъ: «Государь князь Владимеръ, слей мнѣ чары две или три во едино место, а мне этой чарой не чемъ и ротъ полоскать». И Князь Владимеръ налилъ кубецъ в полведра и поднесъ Илье Муромцу.

Илья Муромецъ выпилъ и поклонилса и сталъ говорить: «Великій князь, я таперь по милости твоей сытъ и пьянъ, толко у меня товарыщь не сытъ и не пьянъ». И князь Владимеръ спросилъ: А кто твой товарыщь?» «А мой товарыщь — доброй конь». И услышалъ эта Алеша Поповичь и выскочилъ ис полатъ белокаменныхъ и насыпалъ пшеницы доброму коню богатырскому и привезалъ и своего коня и говоритъ к себѣ: «Ежели богатырской конь не припуститъ нашихъ лошадей, то премой конь богатырской». А Ильи Муромца конь втиралса помаленку и втерса і схватилъ коня Алеши Поповича и убилъ до смерти. И Добрыня Никитичь на силу отъхватилъ своего коня; и никому не сказали о томъ, что убилъ богатырской конь коня Алеши Поповича.

И князь Володимеръ еще не уверяетца, что онъ—силной могучей богатырь; сажалъ всехъ за столы дубовыя, за скатерти забраные, за ествы сахарные, и все богатыри сели по своимъ местамъ, а Илье Муромцу князь Владимеръ приказалъ выбрать место, где похочетъ, и все изведываетъ силы ево Муромцовой и не чаетъ, что онъ силной могучей богатырь: для тово велелъ ему выбирать место между силныхъ богатырей, а Илья выбралъ [1]) креслы что наилутчия подле князя Владимера и сталъ на нихъ садитца; и те богатыри не стали на свои места пускать, а онъ пожалъ с конца и до другова конца инова богатыря между креселъ мертвова и поломалъ все решетки железныя.

И князю Владимеру все это в досаду не кажетца, все эта приемлетъ за великое щастие, что такой сильной могучей богатырь в славномъ Киевѣ граде проявляетца.

И еще хочетца князю Владимеру Илью Муромца изведать, силу его; выгленулъ в окошко и увиделъ доброва коня богатырского — естъ пшеницу белоярую—і закричалъ конюхамъ своимъ: «Налейте сыты медвяной и выпустите моихъ княжихъ лошадей, и какъ бога-

---

1) За *выбралъ* въ рукописи стоитъ слово *мѣсто*, которое затѣмъ взято въ скобки, какъ лишнее.

тырской конь не припуститъ моихъ лошадей». И конюхи налили сыты медвяной коню богатырскому и выпустили и княжихъ лошадей, и богатырской конь втерса между ими помаленку и схватилъ коня княжева что ни лутчева и схватилъ с него шкуру долой. I закричалъ князь Владимеръ конюхамъ, чтобъ последнихъ коней ево не побилъ богатырской конь, велелъ тотъ часъ отогнать. А самъ селъ на своемъ мѣсте. И стали пити, ясти и веселитися; и сталъ князь Владимеръ на веселе и сталъ Илью Муромца спрашивать:

«Скажи, доброй молодецъ, какъ тебя звать по имени и по отечеству, и котораго ты города уроженецъ?»

И всталъ Илья Муромецъ с места своего и сталъ ответъ держать: «Меня, государь, зоутъ Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, а уроженецъ я города Мурома, села Карачарова».

«Давно ли ты, Илья Муромецъ, оттудова из Мурома поехалъ?»

«А я, государь, вчерась поехалъ пообедавши». И князь Владимеръ ізумелса и сталъ еще спрашивать: «Которою ты дорогою ехалъ из Мурома?»

Ответъ держитъ Илья Муромецъ:

«Я ехалъ, государь, із Мурома на Черниговъ градъ и подъ Черниговымъ градомъ побилъ войска босурманского — и сметы нетъ, і очистилъ Черниговъ градъ; и князь Кеберской и воевода Черниговской вчерашняго дня унели меня начевать, и отслушалъ я в Чернигове воскресную заутреню, и подарили меня они по яичку, которыя я вашей светлости поднесъ. А ежели сему [1]) не изволите веры понять, то изволите послать справитца чрезъ почту. А из Чернигова ехалъ я дорогою

на те леса на Брянския,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
чрезъ тое реку Смородину».

И слыша то, князь Владимеръ встаетъ из места своего с великимъ гневомъ на Илью Муромца и говоритъ таковы речи: «Не подлежитъ тебѣ мужику меня, такова великова князя, обманывать; я тебя за то велю смерти предать».

И рече Илья Муромецъ: «Великій князь Владимеръ, за что та-

---

1) За словомъ *сему* слѣдуетъ *веры*, которое взято затѣмъ въ скобки, какъ лишнее.

кой гневъ изволишь на меня держать, и чемъ я васъ оболгалъ и какими словами?»

И говоритъ Владимеръ князь:

«Первое, ты меня оболгалъ: сказываешъ, что вчерась из Мурома, чему статца невозможно; второе, сказываешъ: из Чернигова ехалъ на леса на Брянския, на грязи топучия, на мосты калиновы, чрезъ реку Смородину; а тое дорогу заложилъ силной богатырь Соловей Разбойникъ ровно тритцать летъ, не пропускаетъ онъ ни пешева, ни конного, и не выбираютца у насъ із славнаго города Киева противъ ево ни единой силной могучей богатырь, а ты сказываешь, что тою дорогою ехалъ!»

И говоритъ Илья Муромецъ таковы речи: «Не изволь, великій государь, на меня гневу держать; все правду сказываю предъ вашею светлостию; а ежели сему верить не изволите, то изволте посмотреть своего хвалного богатыря Соловья Разбойника, которой стоитъ привязанъ коня моего у стремени булатнова».

И тутъ все богатыри кинулисъ смотреть, а князь Владимеръ приказалъ ево позвать к себѣ в полаты белокаменныя

И выскочилъ и кинулса звать Алеша Поповичь на крыльцо, и сталъ звать Соловья Разбойника неочестливо: «Соловей Разбойникъ, поди в палаты». А Соловей Разбойникъ ответствуетъ: «Алеша Поповичь, бабья блядь, пересмешища! Ты на то надѣесса, что я таперь в неволе; вышелъ ты меня звать не честию; я тебя хвачу гнилымъ крыломъ, что ты у меня на двенатцать саженъ в землю уйдешъ; а ты вышли полутче себя и повежливея позвать меня».

Алеша Поповичь пришелъ х князю Владимеру и сказалъ, что «не идетъ и не слушаетъ тебя, великого князя».

И князь Володимеръ послалъ Добрыню Никитича и велелъ позвать честию; и Добрыня Никитичь вышелъ и сталъ звать с честию; и Соловей Разбойникъ говоритъ таковы речи: «Добрыня Никитичь, не слуга я вашему князю и повеления вашего не творю, а творю повеление Ільи Муромца».

Услышалъ то князь Владимеръ такия слова и закричалъ в окошко: «Соловей Разбойникъ, поди ко мне в палаты». И Соловей ответствуетъ: «Князь Владимеръ, не твой я слуга и не слушаю тебя, я слушаю повеления Ильи Муромца, ежели онъ прикажетъ». И князь Владимеръ говоритъ: «Илья Муромецъ, прикажи к намъ войти Соловью Разбойнику». Илья Муромецъ крикнулъ в окошко: «Соловей Разбойникъ, поди в полаты». И Соловей Разбойникъ вошелъ. И князь Володимеръ говоритъ: «Соловей Разбойникъ, засвищи своимъ сви-

стомъ разбойническимъ, какъ ты свисталъ на лесахъ на Брянскихъ».

И Соловей Разбойникъ сказалъ: «Князь Владимеръ, не твой я слуга и не слушаю тебя и повелѣния твоего не творю, а творю я повелѣние Ильи Муромца».

И князь Владимеръ говоритъ: «Илья Муромецъ, прикажи засвистать Соловью Разбойнику».

И говоритъ Илья Муромецъ: «Велики князь Владимеръ, ест ли у вашей светлости шубы соболиныя? Прикажи ихъ принести». И какъ принесли шубы соболиныя, то Илья Муромецъ взялъ князя Владимера и со княгиней Апраксиной Королевишной, обернулъ ихъ в те шубы и подставилъ ихъ к себѣ подъ мышки, и велелъ засвистать Соловью Разбойнику, чтобъ онъ засвисталъ в полсвиста своимъ свистомъ разбойническимъ. А Соловей Разбойникъ думалъ, что «Илья Муромецъ пьянъ, и я ево оглушу і убью до смерти и буду в Киеве граде владетелемъ», і засвисталъ во весь свистъ, что ні есть могуты его, и такъ крепко, что с теремовъ по самыя окны верхи сьвеѣло, а богатырей оглушилъ, которыхъ вонъ іс полатъ вынесло, и убилъ до смерти.

Илья Муромецъ выпустилъ князя Владимера со княгиней Апраксиной ис подъ мышекъ, а Соловья Разбойника взялъ при нихъ за ноги и говоритъ такия слова: «Не люблю я, Соловей Разбойникъ, такихъ себѣ неверныхъ слугъ, которой мне рабъ неверной служитъ». И убилъ ево объ каменной мостъ до смерти и выкинулъ в окошко.

И князь Володимеръ усмотрелъ и сталъ верить, что Илья Муромецъ силной богатырь. И пошли в другия палаты бѣлокаменныя и стали пить, есть и веселитца и смотреть в чистое поле.

И увиделъ князь в чистомъ поле силу великую: идетъ прямо к гор[о]ду Киеву. И сталъ князь Владимеръ тужить: «Кому у насъ итти съ етаї великой силай битися?»

Илья Муромецъ посмотрелъ в зрителную трупку и сталъ говорить: «Князь Владимеръ, не печалса! По печали, государь, Богъ даруетъ радость; не сила эта идетъ не великая ко граду Киеву: эта везутъ Соловьиныя воровския пожитки по приказу моему к тебѣ, князю Владимеру».

И какъ приехали зятья Соловья Разбойника съ пожитками, и вьезжаютъ прямо на княжой дворъ и спрашиваютъ во дворе княжемъ: «Где нашъ батюшка живетъ Соловей Разбойникъ?» И сказали имъ слуги княженетския: «Вонъ вашъ батюшка подъ окномъ

валяетца, и естъ его червь неусыпающій». Тогда зятья Соловья Разбойника обрезали гужи на лошадяхъ и уехали із града Киева: думали, что і имъ тоже будетъ.

Илья Муромецъ пьетъ, гуляетъ, прохлажается. И назвалисъ з Добрыней Никитичемъ братьями и оседлали своихъ добрыхъ коней и поехали в чистое поле гулять. И ездили въ чистомъ поле три мѣсяца, не нашли себѣ сопротивника; толко наехали в чистомъ полѣ — идетъ колечища прохожей:

гуня на немъ в пять сотъ пудъ,
шляпа в тритцать пудъ,
костыль сорока саженъ.

Илья Муромецъ сталъ на него напущать, хощетъ с нимъ стычку дать, отведать силы своей богатырския.

И увиделъ колечища прохожей Илью Муромца и говоритъ таковы речи: «Ой еси ты, Илья Муромецъ! Помниш ли? Мы с тобой в одной школе грамоте училисъ, с одново блюда едали и пивали, из одного стакана пивали, а платье нашивали с одного плеча; а ныне ты на меня на такова колеку напускаешъ і хочешъ ты меня убить в чистомъ поле, аки какова неприятеля; а тово не знаешъ, что тебя посажу и промежъ коленей ущемлю и за ето тебѣ хворостиной ж..у высеку, чтобъ ты такъ впредь не дѣлалъ. А того ты не ведаешъ, что во славномъ городе Киеве великая безгодушка учинилась: приехалъ неверной силной богатырь — Идолища нечестивой:

голова у нево с пивной котелъ,
в плечахъ касая сажень,
промежъ бровми доброва мужа пядь,
промежъ ушми колена стрела, —

и разсадилъ князя со княгинею и целует онъ ея во уста сахарныя, а естъ онъ по быку, а пьетъ по пивному котлу, и князь Володимеръ вельми объ тебѣ соболезнуетъ, что ты ево вь едакой печали оставилъ».

И говоритъ Илья Муромецъ: «Ой еси ты, колечища прохожей! Что у тебя силы нѣтъ или смелости?»

И рече прохожей: «Во мне сили много, да смелости нетъ».

И говоритъ Илья Муромецъ: «Ой, еси ты, колечища прохожей! Дай мне свою гуню в пятъ сотъ пудъ, шляпу в тритцать пудъ, костыль сорока саженъ; поиду в славной Киевъ градъ! Вотъ тебѣ

мой доброй конь богатырской, и вотъ тебѢ мое платье цвѢтное и тугой лукъ!»

И пошелъ Илья Муромецъ в Киевъ градъ и пришелъ прямо на княженетской дворъ і идетъ к полатамъ белокаменнымъ и закричалъ и возопилъ по богатырскому: «Ой еси ты, Володимеръ князь, сошли мне, колечище прохожему, милостыню!»

И увиделъ ево Володимеръ князь и говоритъ таковы речи: «Поди ко мне, колечища прохожей, в полаты белокаменныя, я тебя накормлю и напою и золотой казны на дорогу дамъ».

И вошелъ колечища прохожей в ту полату, где сидитъ князь Владимеръ и Идолища нечестивой со княгиней Апраксиной Королевишной и целуетъ ея во уста сахарныя.

А колечища стоитъ у печи и на него поглядываетъ.

И Идолища проситъ есть. И принесли ему нечестивому быка целова жирнова, и онъ ево и с костьми сьелъ.

Илья Муромецъ, стоючи у печки, говоритъ: «У моево батюшки была такая та корова обьжерлива: обожраласъ и издохла». И на то Идолища ответу ничего не даетъ.

И попросилъ Идолища пить. И принесли ему котелъ пива двенатцать человекъ, и онъ взялъ за уши и выпилъ ево. Илья Муромецъ говоритъ: «Была у моево батюшки кобыла обьжерлива: обожраласъ да и здохла».

И Идолища нечестивой не утерпелъ и сталъ говорить: «Ой еси ты, колечища прохожей! Што меня замаешъ? Мне не чево тебя в руки взять и не за чемъ надъ тобою рукъ скверни̇ть. Не то што ты! Каковъ у васъ былъ Илья Муромецъ, я бы и с темъ стычку далъ».

И богатырское сердце разгорелосъ, і зговорилъ таковы речи: «Кали бы былъ Илья Муромецъ, онъ бы давно тебѢ, сабаке, не спустилъ». И схватилъ с себя шляпу и ударилъ ево в голову такъ силно, что прошибъ стену полатъ белокаменныхъ и, взявши туловища, на дворъ выкинулъ. И стали на той радости ясти и пити и веселитца.

И великій князь Владимиръ
Илью Муромца великими
похвалами возвеличилъ
и причелъ в силныя могу-
чия богатыри.
И сей исторіи
конецъ.

III.

ПОВѢСТЬ О МИХАИЛѢ ПОТОКѢ ПО РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

Въ 1889 году Русское Географическое Общество передало въ Императорскую Публичную Библіотеку нѣсколько старинныхъ русскихъ рукописей, привезенныхъ Ѳ. М. Истоминымъ изъ его поѣздки въ Олонецкую и Архангельскую губерніи въ 1886 году. Въ составъ этой коллекціи входитъ тотъ сборникъ, изъ котораго мы извлекли для изданія неизвѣстный дотолѣ памятникъ русской письменности — Бесѣду о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. Къ той же коллекціи принадлежитъ еще другой сборникъ, содержащій въ себѣ «Повѣсть» о Михаилѣ Потокѣ, здѣсь издаваемую.

Сборникъ этотъ, по каталогу Библіотеки — O. XVII. 44, писанъ въ 8-ку на 150 листахъ въ XVII вѣкѣ. Взятый въ цѣломъ, онъ представляетъ мало интереса; это по истинѣ сборная рукопись, состоящая изъ трехъ частей, которыя писаны разными почерками и, можетъ быть, не одновременно; изъ семи статей, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, шесть суть произведенія, нерѣдко встрѣчающіяся въ нашей старинной письменности, и только седьмая и послѣдняя статья — «Повѣсть» о Михаилѣ Потокѣ — заслуживаетъ особаго вниманія[1]).

---

1) Первыя шесть статей сборника суть слѣдующія: 1) одна изъ краткихъ Космографій; 2) отрывокъ изъ путешествія Трифона Коробейникова; 3) апокрифическое житіе св. мученика Никиты; 4) притча о царевѣ дворецкомъ — изъ Римскихъ дѣяній; 5) сказаніе о воинѣ и смерти; 6) сказаніе объ Акирѣ.

«Повѣсть» эта занимаетъ послѣдніе листы сборника съ 138-го по 150-й об. Она писана—судя по водяному знаку—на голландской бумагѣ, употреблявшейся въ Россіи въ послѣдней четверти XVII столѣтія; почеркъ ея скорописный, но очень отличный отъ скорописи предшествующихъ статей сборника; такимъ образомъ, къ нимъ она имѣетъ только то отношеніе, что соединена съ ними въ одномъ переплетѣ. «Повѣсть» въ этой рукописи сохранилась не вполнѣ: утрачены нѣсколько листовъ въ концѣ и два въ серединѣ, въ разныхъ мѣстахъ. Рукопись была получена Ѳ. М. Истоминымъ въ очень растрепанномъ видѣ, такъ что послѣдніе ея листы отдѣлялись отъ переплета; это было причиной, что уже въ Петербургѣ, еще до передачи сборника въ Библіотеку, утерялся самый послѣдній листъ его, заключавшій въ себѣ продолженіе, но все-таки не конецъ «Повѣсти». По счастію, мы имѣли случай списать «Повѣсть» еще до этой утраты, и потому издаваемый текстъ идетъ нѣсколько далѣе, чѣмъ сколько можно читать теперь въ рукописи, поступившей въ Библіотеку.

Не смотря на свою отрывочность, текстъ «Повѣсти» о Михаилѣ Потокѣ въ Библіотечномъ сборникѣ представляетъ значительный интересъ въ разныхъ отношеніяхъ.

Вопервыхъ, этотъ текстъ замѣчателенъ какъ одинъ изъ самыхъ древнихъ текстовъ нашего былевого творчества: написанный несомнѣнно въ послѣдней четверти XVII вѣка, онъ моложе только текста «Сказания о кѣевскихъ богатырехъ», сохранившагося въ рукописи Е. В. Барсова, которая, по опредѣленію владѣльца, относится къ началу того же столѣтія [1]).

Вовторыхъ, Библіотечный текстъ отличается тѣмъ, что сохранилъ памятникъ народной словесности безъ книжныхъ подправокъ. Конечно, и здѣсь, при положеніи былины на бумагу,

---

1) Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ, стр. 7.

стихи писаны въ сплошную строку, и ихъ размѣръ не выдержанъ въ точности, но во всякомъ случаѣ представляется гораздо менѣе разрушеннымъ, чѣмъ въ подобныхъ же текстахъ XVIII столѣтія. Эти послѣдніе (какъ мы уже имѣли случай замѣтить при разборѣ рукописныхъ сказаній объ Ильѣ Муромцѣ) являются лишь копіями съ болѣе старыхъ оригиналовъ, притомъ пострадавшими отъ постепеннаго переписыванія. Напротивъ того, относительно издаваемой «Повѣсти» о Михаилѣ Потокѣ мы не рѣшаемся утверждать, чтобъ она была только скопирована съ болѣе ранней записи, и скорѣе готовы допустить, что она записана либо по памяти, либо съ «пословесной» передачи былины. Въ издаваемомъ текстѣ еще уцѣлѣли въ изобиліи такія слова — союзы, мѣстоименія: *что*, *какъ*, *самъ*, которыя въ устныхъ пересказахъ встрѣчаются въ значеніи частицъ, прибавляемыхъ не для смысла рѣчи, а для болѣе стройнаго теченія стиха; такія слова обыкновенно уже отсутствуютъ или же попадаются гораздо рѣже въ рукописныхъ текстахъ XVIII вѣка, между прочимъ и въ тѣхъ двухъ спискахъ «Повѣсти» о Михаилѣ Потокѣ, которые изданы Н. С. Тихонравовымъ [1]).

Втретьихъ, Библіотечный текстъ любопытенъ тѣмъ, что въ своемъ написаніи онъ сохранилъ яркія отличія того говора, какой употреблялъ его писецъ. Безпрерывные примѣры аканья, случаи перехода *е* въ *а* (дѣвиц*а*ю, ч*а*ломъ, з ж*а*ною, до веч*а*ра) или въ *я* (гражан*я*, во чисто пол*я*), *к* въ *х* (*х*то, ни*х*то), смѣшеніе мѣстнаго падежа съ родительнымъ (в Залатой орд*ы*), форма родительнаго падежа на *ова*, *ева* (меньш*ова*, син*ева*), сокращенная форма 2-го лица *хошъ*, *захошъ*, все это указываетъ, что писецъ былъ родомъ изъ области, гдѣ господствуетъ южно-великорусское нарѣчіе, москвичъ или, можетъ быть, рязанецъ. А такъ какъ болѣе вѣроятно, что онъ писалъ не съ чужой передачи, а по своей памяти, то-есть, самъ умѣя сказывать былину, то слѣдуетъ допустить,

---

1) Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка, стр. 33—48.

что въ концѣ XVII вѣка былина о Михаилѣ Потокѣ еще была извѣстна въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ. Въ текущемъ столѣтіи устные пересказы ея могли быть записаны только въ Олонецкой губерніи.

По содержанію Библіотечный текстъ «Повѣсти» представляетъ ближайшее сходство съ ея текстами прошлаго вѣка, сохранившимися въ рукописяхъ г. Тихонравова. Можно даже сказать, что эти три списка воспроизводятъ одну версію, съ весьма небольшими отличіями. Напротивъ того, устные пересказы, записанные въ Олонецкой губерніи Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, отклоняются отъ старыхъ рукописныхъ текстовъ, какъ частными подробностями содержанія, такъ и именами; между прочимъ, имя похитителя Михайловой жены, данное ему въ рукописныхъ текстахъ, Кощей усвоено въ онежскихъ былинахъ другому лицу — противнику Ивана Годиновича, у котораго этотъ Кощей также отнимаетъ жену.

Въ предлагаемомъ изданіи Библіотечный текстъ «Повѣсти» о Михаилѣ Потокѣ воспроизведенъ съ буквальною точностью. Мы позволили себѣ только слѣдующія немногія отступленія: вставили случайно пропущенныя въ рукописи буквы и слова; ввели въ текстъ прописныя буквы и знаки препинанія; отдѣльныя части разсказа начинали съ новой строки.

Повѣсть о князе Владимѣре Киевскомъ и о богатыряхъ киевъскихъ и о Михаилѣ Потокѣ Івановиче и царѣ Кащею Залатой арды.

В славномъ граде Киевѣ у великава князя Владимѣра Киевъскава Всеславъевича было пированье великое на многие князи и бояры и сильныя могучия богатыри. Какъ будетъ у нихъ пиръ на вѣселѣ, что зговоритъ великій князь Владимеръ Киевъскій: «Ой еси, князи и бояры и силныя и могучия богатыри! Есть ли кто у меня служить три службы великия: хто бы ехалъ в землю Турскую, взялъ бы дани і выходы; хто бы ехалъ в землю Задонскую, възялъ бы дани і выходы; хто бы ехалъ в землю Алевицкую, възялъ бы дани і выходы за тритъцать лѣтъ и за три годы?»

Воставалъ из мѣста славнай богатырь Илья Муромѣцъ, а самъ зговоритъ такаво слово: «Свѣтъ государь, великій князь Владимеръ Киевъски и князи и бояры и силныя могучия богатыри! Что нихто отвѣту не дастъ? Болшой за меншова, а у меншихъ отвѣту нѣтъ». Самъ зговоритъ слово похваляючись: «Свѣтъ государь, великій князь Владимеръ Киевскій, я поеду въ землю Турскую, возму дани і выходы».

Что зъговоритъ Михаила Потокъ Івановичь: «Свѣтъ государь, великій князь Владимеръ Киевъский, я поеду в землю Задонскую, возму дани і выходы».

Что зговоритъ Алеша Поповичь: «Светъ государь, великій князь Владимеръ Киевъскій, я поеду в землю Алевитцкую, возму дани і выходы за тритцатъ лѣтъ и за три годы».

И тѣ рѣчи великому кънязю полюбилися: подноситъ имъ чары зелена вина, и запиваютъ меды сладкими, и с великимъ княземъ прощаютъца, и называютъца братиями назваными, и садятъца на свои добры кони, и едутъ из града Киева. И межь сабою такаво слово молвили: «Братъцы милыя, хто у насъ напередъ приедетъ до Киева, а каво не будетъ опосле, и намъ

ехати таво сыскивать». А сами поехали нарозно, всякъ своимъ путемъ.

Михаила Потокъ Іановичь поехалъ возлѣ моря синева. Ажно по морю плаваетъ лебядь бѣлая. И Михаила вымаетъ из налучи свой крепкой лукъ и ис колчана колену стрелу и хочетъ убить лебядь бѣлую. И она ему провѣщитца человѣческимъ голосомъ: «Свѣтъ государь, Михаила Потокъ Іановичь, не стреляй меня, лебяди бѣлыя; я по морю плаваю лебядью, а передъ табою [1]) стану краснаю дѣвицаю».

И Михаила не успелъ в налучь положить крепка лука і в колчанъ колены стрелы, ажно передъ нимъ стала краснаю дѣвицаю. И Михаилу она полюбилася; и беретъ ея Михаила за руки бѣлыя и цалуетъ во уста сахарныя и сажаетъ на свой доброй конь. І взялъ дани і выходы, и едетъ ко граду Киеву, а Бѣлую Лебядь с сабою же взялъ. И приехалъ до Киева; становитъца на свой богатырской дворъ и идетъ ко князю Владимеру, самъ зъговоритъ такаво слово: «Свѣтъ государь, великій князь Владимеръ Киевъскій, отъ меня тебѣ служба заслужена, привезъ дани і выходы наскорѣ».

Что зговоритъ князь Владимеръ Киевъскій: «Свѣтъ Михаило Потокъ Іановичь, тебѣ у меня за службу залата казна не запечатана и кони на стойле не заперты». И Михаила бьетъ чаломъ о сыру землю. И подноситъ ему чары зелена вина, и запиваютъ меды сладкими. И Михаила зговоритъ такаво: «Свѣтъ великій князь Владимеръ Киевъскій, ехалъ я возле моря синева, ажно по морю плаваетъ лебядь бѣлая; и я вынялъ из налучи своей крепкой лукъ и ис колчана колену стрелу и хотѣлъ убити лебядь бѣлую, и она мнѣ провѣщитца человѣческимъ голосомъ: «Свѣтъ Михаила Потокъ Іановичь, не стреляй меня, лебяди бѣлыя; я по морю плаваю лебядью, а передъ табою стану краснаю дѣвицаю». И я не успелъ в налучь положити крепка лука и

---

1) Слова *а передъ табою* написаны въ рукописи дважды.

в колчанъ колены стрелы, ажно передо мъною стала краснаю дѣвицаю, и мнѣ она полюбиласъ, и я привезъ ея во Киевъ градъ».

Что зговоритъ великiй князь Владимеръ Киевъскiй: «Свѣтъ Михаила Потокъ Iвановичь, перепусти мнѣ тое дѣвицу красную».

Что зговоритъ Михаила Потокъ Iвановичь: «Я ее, государь, тое дѣвицу взялъ за саблею, я самъ с нею свѣнъчаюся». И крестилъ ея, и венчалъся с нею, i венчалъ ихъ владыко Черниговской и далъ ей имя: Бѣлая Лебядь Авдотья Лиховидовна. И почалъ с нею любезна жити.

И живетъ с нею [1]) два годы; а охотникъ былъ Михаила ездитъ во чисто поля тешитца по два мѣсяца, и по три, и по пяти. И поехалъ во чисто поля Михаила тещитца на два мѣсяца. И без нево пришолъ купчина Залатой арды с тавары заморскими; и прослышала Михаилова жена про купчину, что пришолъ с тавары заморскими, и пошла Михаилова жена смотрить таваровъ заморскихъ, и увиделъ купчина красату лица ея и почалъ разпрашивать Киевленъ: чья де то жена, и какъ завутъ ея по имяни. И Киявленя ему сказали: «То де жена богатыря святорускова Михаилы Потока Iвановича». И тутъ купъчина почалъ тавары продавать наскорѣ и поехалъ во свою землю. И какъ будетъ в Залатой арды, и почалъ расказывать царю Кащею: «Свѣтъ государь, царь Кощей Залатой арды, сколко де я ни езживалъ по инымъ землямъ купчинаю уже тритцатъ лѣтъ, а такой прекраснай не видывалъ, какъ есть во граде Киевѣ у богатыря святорускова у Михаилы Потока Iвановича жена Лебядь Бѣлая Авдотья Лиховидавна лицомъ зело красна». И тутъ почалъ царь Кощей збирать войска. И собралъ войска сорокъ тысячей и пошолъ под Киевъ градъ и Киевъ осадилъ накрепко и посылаетъ посланника....

— —

1) Въ рукописи *и живетъ с нею* повторено.

.... Потока Івановича. И царь Кощей отъ Киева прочь пойдетъ. Ажно едетъ ис поля Михаила Потокъ Івановичь, едетъ на свой богатырской дворъ; встречаетъ ево Бѣлая Лебядь Авдотья Лиховидавна, примаетъ ево за бѣлы руки и цалуетъ ево во уста сахарныя; сама зъговоритъ такаво слово: «Свѣтъ государь Михайла Потокъ Івановичь! Пришолъ подъ Киевъ градъ царь Кощей Залатой арды и Киевъ накрепко [осадилъ] [1]) и проситъ меня ис Киева, и Киевленя придумали отдать меня». Что зговоритъ Михаила Потокъ Івановичь: «Сабаки, мужики Киевленя! За что ссужаютъца чюжими женами? Изделялися бы своими женами и дочерми. А я за свою жену умѣю и самъ стоятъ и битъца с погаными во чисте полѣ». И садитъца на той доброй конь и едетъ во чисто поля и побиваетъ силу Кащееву; а Кащей ровна самъ шостъ ушолъ во свою землю. А Михаила, побивъ силу, приехалъ в Киевъ градъ на свой богатырской дворъ и сталъ з жено[ю] пить и есть и тѣщитца.

И живетъ з жаною два годы бѣзъ съезду. И поехалъ во чисто поля тешитца ровна на три месяца. И бѣзъ нево прішолъ царь Кощей, а с нимъ силы шестьдесятъ тысячей, и Киевъ осадилъ накрепко и [по]сылаетъ посланника к великому князю Владимеру: «Ой еси, великій князь Владимеръ Киевъскій Всеславъевичь, отдай мнѣ Михаилову жену, и я отъ Киева прочь поиду; а будетъ ты не отдашъ мнѣ Михаилову жену Потока Івановича Бѣлую Лебядь Авдотью Лиховидовну, а будетъ ты не отдашь мнѣ ея, и я Киевъ градъ взятьемъ возму, а людей твоихъ в Киевѣ всехъ в Киевѣ вырублю, а жонъ и детѣй в полонъ возму».

Что зговоритъ великій князь Владимеръ Киевъскій Всеславъевичь: «Ой еси, Киевленя все гражаня и мужики Киевъленя, думайте да не продумайтесъ: отдавать ли Михаилову жену Потока Івановича Бѣлую Лебядь Авдотью Лиховидовну, или нѣтъ».

---

1) Возстановляемъ пропущенное слово изъ находящагося выше разсказа о приступѣ царя Кощея къ Кіеву.

Что зговорятъ гражаня и мужики Киевленя: «Свѣтъ государь, великій князь Владимеръ Киевъскій Всеславъевичь, доселева в Киевѣ Михаиловы жены не бывало, и царь Кощей подъ Киевъ не прихаживалъ и Киева накрепко не осаживалъ; тебѣ, государю, такой кручины не бывало. Отдадимъ Михаилову жену Бѣлую Лебядь, и царь Кощей съ Киева прочь поидетъ». А таво не вѣдаютъ, что Михаила бьетца с погаными во чистѣ полѣ уже третѣй день и побилъ силу Кащееву, и всево Кащей самъ четвертъ ушолъ во свою землю, в Залату арду.

А Михаила побивъ силу и едетъ х Киеву наскоре; скачетъ черезъ стѣну городавую и становитца на свой богатырской дворъ. И нихто ево не встречаетъ и за руки не примаетъ и во уста не цалуетъ. Встречаютъ ево люди дворовыя, сказываютъ в ыстине добрия, что жена ево переставилась. И тутъ Михаила закручинился, идетъ на свой богатырской дворъ-теремъ и приходитъ в отхожую горницу, где жила жена ево. Ажно лежитъ мертва жена ево, покрыта камкою бѣлою. И Михаила почалъ цаловать мертвую жену свою, а самъ зговоритъ такаво слово: «Помню я и самъ свое слово, что у меня с тобою молвлено и заправано: хто напередъ умретъ, а хто отстанетца, и таму живу в могилу иттить». И велелъ грабницу делать каменную, чтобы двумъ человѣкомъ сидма сидеть и лежма лежать и стойма стоять; и завстъ на погребанье князя Владимера и князи и бояры і владыку Черничавскова. И сашлися на погребанье князь Владимеръ и князи и бояры и силныя могучия богатыри і владыка Чернигавъской. И почалъ Михайла во грабницу класти жену свою и самъ с нею живъ лажитъся[1]). Что зговорятъ князи и бояры і все Киевленя: «Нигде скать таво не слыхоно, не токмо видено, чтобъ живы да лажилися с мертвыми; а ты, Михаила, живъ лажишься в могилу для жены своей; наидемъ мы в Киевѣ захошъ княиню, или боярыню, или девку посацкую, — такава жъ тебѣ

1) Въ ркп. *лажишъся*.

жена». Что зговоритъ Михаила Потокъ Іванович: «Знай де всякъ самъ себя! Закапывайте, не мѣшкайте!» Что зговоритъ князь Владимеръ Киевъской Всеславъевичь: «Накладывайте досками дубовыми, насыпайте песками жолтыми, а надъ могилою поставте старожу крепкую: какъ Михаилу скучитъца, станетъ кричать громко голосомъ, выпускайте ево на волной свѣтъ, не мѣшкайте». Похороня ево, все пошли нарозно, по домомъ пошли.

И Михайла Потокъ Івановичь сидитъ в могилѣ з женою мертвою день до вѣчара. И какъ будетъ о полуночи, ажно пришла ко грабнице змѣя лютая и грабницу каменную проела и пустіла во грабницу двухъ змеенковъ лютыхъ. И змеята учали Лебядь Бѣлую ссать за груди. И Михаила ухватилъ змѣенъковъ и почалъ р[в]атъ надвае. И провѣщитца ему змѣя лютая: «Свѣтъ государь Михаила [По]токъ Івановичь, не рви моихъ змеенковъ маленкихъ: я принесу тебѣ мертвой и живой воды». И Михайла зговоритъ такаво слово: «Поди, змея лютая, принеси мнѣ живой воды». И пошла змея лютая, принесла ему живой воды. И Михаила почалъ рватъ змѣенковъ на крохи и покрапъляетъ ихъ живою водою, и змеята ожили. И Михаила покъропляетъ мертвую жену свою, и жена ево буттъ отъ сна пробудилася. И Михаила засвисталъ громко голосомъ; и караулщики попадали, и тутъ послышали сосѣди ближния и почали могилу разкапывать. Ажно идетъ из могилы Михаило і ведетъ за руку из могилы жену свою. И тутъ сошлися к могилѣ люди многия, и все они дивуютъца, что была мертва жена Михаилова, и Михаила оживилъ ея. И почалъ с нею любезна жить лутче старова.

И живетъ з женою без съезду ровна три годы. А таварыщи ево еще до Киева не приехали. И поѣхалъ Михаила во чисто поля тѣшитца ровна на пять месяцовъ. А безъ нево пришолъ царь Кощей Залатой арды, а с нимъ силы сто тысячей, Киевъ градъ осадилъ накрепко; посылаетъ посланъника к великому князю Владимеру Киевъскому Всеславъевичю: «Ой еси, князь Владимеръ Киевъской, отдай мнѣ Михаилову жену, и я от Киева

прочь поиду; а будетъ ты не отдашъ ея, и я Киевъ градъ весь выпленю, а людей всехъ в Киевѣ вырублю, а жонъ и детей в полонъ возму, а тебѣ, царю, живу очи вытравълю; а будетъ ты отдашъ мнѣ Михаилову жену Потока Івановича Лебядь Бѣлую Авдотью Лиховидовну, и я от Киева прочь поиду». Что зговоритъ великій князь Владимеръ Киевъской Всеславъевичь: «Ой еси, князи и бояры.... [1])

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

...онъ меня двожди наехалъ в бѣле шатре во чистѣ полѣ соннова, се не предалъ мнѣ смѣрти съкорыя, какъ хошъ сама с нимъ». І велелъ у нево побрать ружье богатырское и палку железную, а самъ поехалъ во свою землю в Залатую арду, а Бѣлую Лебядь с сабою же взялъ.

А Михаила спалъ ровна три дни и три ночи, и на утрея пробуждаетца: ажно нѣтъ у нево ружия богатырскова, ни палки железныя,—одинъ стоитъ ево доброй конь, и тотъ былъ далеча во чисте полѣ. И тутъ Михаила закручинился; садитца на свой доброй конь и поехалъ далеча во чисто поля и доезжаетъ царя Кощея невѣрнова. А царь Кощей на стану стоитъ, опочивъ держитъ с Бѣлою Лебядью. Что зговоритъ Михаило Потокъ Івановичь: «За что де побивать войска бѣзвинное!» И поехалъ прямо к бѣлу шатру. И увидела его Лебядь Бѣлая, въстречаетъ ево у бѣла шатра, сама зговоритъ такавы рѣчи: «Свѣтъ Михаило Потокъ Івановичь, богатырь земли Святоруския! Не хочю я жить у невѣрнова царя Кощея Залатой арды, хочю жить у тебя, богатыря святорускова; возмі меня во Киевъ градъ по прежнему». И подноситъ ему питья пьянова. И тутъ Михаило задумался: «А вотъ да баба, вотъ подлая! Хочетъ со мною жить по старому!» И испиваетъ з дороги питья пьянова и лажитъца спать в бѣлѣ шатрѣ. И она начала будить своево любовника: «Востань, государь царь Кощей Залатой арды; пришолъ недругъ твой Михаило

---

1) Дальнѣйшій текстъ сохранился только въ нашей копіи.

Потокъ Івановичь, предай ему смерти скорыя, а будетъ ты не предашъ ему злую смерть, и онъ тебѣ самаму предастъ злую смерть во чистѣ полѣ». Что зговоритъ царь Кощей: «Прямая ты неразумная, изъ злыхъ женъ первая! За что мнѣ Михайлу предать смерти скорыя? Онъ меня двожди наехалъ во чистѣ полѣ в бѣлѣ шатрѣ соннова»...